

В Вересаев

На повороте

Вересаев В

На повороте

ВИКЕНТИЙ ВЕРЕСАЕВ

На повороте

Повесть

I

Токарева встретили на вокзале его сестра Таня и фельдшерица земской больницы Варвара Васильевна Изворова. Токарев оглядывал Таню и в десятый раз повторял:

- Вот уж не ждал-то, что увижу тебя здесь.

Варвара Васильевна сказала:

- А какая досадная вещь вышла... Я вам писала,- директор банка обещал мне немедленно дать вам место в банке, как только приедете. Вчера захожу к нему,- оказывается, он совсем неожиданно уехал за границу В Карлсбаде у него опасно заболела дочь. Спрашивала я помощника директора, ему он ничего не говорил о вас. Такая досада. Придется вам ждать, пока воротится директор.

Варвара Васильевна говорила извиняющимся голосом, как будто была виновата в неожиданном отъезде директора. Токарев улыбнулся ее тону.

- Так ведь не на год же уехал директор?

- Нет, конечно. На месяц, самое большее -

на два А покамест, знаете что? Поедемте к нам в деревню. Я с завтрашнего числа получаю в больнице отпуск, нынче или завтра приедут из деревни лошади.

Токарев радостно воскликнул:

- Варвара Васильевна, да ведь это превосходно. Чего ж вы за меня огорчаетесь? Пожить в деревне - лучшего я бы и сам для себя не придумал...

Подошел носильщик с вещами.

- Куда прикажете извозчика брать?

Токарев веселый и оживленный, взял ремни с пледом.

- Какая у вас тут есть гостиница недорогая?

- Ну, вот еще, зачем гостиница? - встрепенулась Таня.- Остановишься у нас в колонии.

Токарев поднял брови.

- В колонии?.. Посмотрим, что за колония.

Они вышли из вокзала. Варвара Васильевна сказала:

- Поезжайте, господа. А мне нужно еще забежать в больницу, сделать две перевязки. Я сейчас буду у вас.

Токарев и Таня сели на извозчика и поеха-

ли к городу. Солнце садилось, над шоссе стояла золотистая пыль, и сам воздух казался от нее золотым. Токарев, улыбаясь, смотрел на Таню.

- Расскажи ты мне толком, как ты сюда попала. В феврале последний раз написала из Петербурга и после этого как в воду канула.

- Я тебе говорила, всю весну мы пробыли тут на голоде, в Артемьевском уезде. Ну, я тебе скажу,- и насмотрелись. Жутко вспомнить. До июня пробыли там и все просадили, у кого какие были деньги; то есть, понимаешь, ни гроша ни у кого не осталось. Ну, вот и пошли в Томилинск.

- Пошли?

- Где шли, где на товарном поезде ехали... Очень было весело. Здесь раздобыли работы,- кто по статистике, кто уроков. Живем все вместе,- целый, брат, дом нанимаем. За три рубля в месяц. Вот увидишь, славные подобралась ребята.

- Я кое-что слышал о твоей деятельности на голоде. В вагоне я разговорился с одним земским врачом,- Рассудин, кажется, фамилия. Он мне много рассказывал про тебя.

- Рассудин? Что, что он говорил? - быстро спросила Таня и с любопытством подняла голову. Ее большие глаза самолюбиво заблестели.

Токарев лукаво улыбнулся.

- Одним словом, одобрял. А передавать не стану,- загордишься... А скажи ты мне лучше вот что: когда ты уехала на голод?

- В марте месяце.

- Как же ты с экзаменами устроилась? Перешла на следующий курс?

- Я уж зимою вышла с курсов.

- Вы-ышла? - протянул Токарев и замолчал.- Почему? - коротко спросил он.

- На что они мне. Курсы важны только вначале, чтоб приобрести знакомства, попасть в известную среду А раз это уж есть, то что в них?

Токарев потемнел.

- Странно... Курсы, во всяком случае, дают систематическое знание.

Таня рассмеялась.

- Систематическое знание... Диплом они дают, а не систематическое знание. Мне не шестнадцать лет, я и без профессорской указ-

ки сумею приобрести знания.

- Я не понимаю, ведь тебе всего один год оставался до окончания, раздраженно сказал Токарев.- Что помещал бы тебе диплом? Кто знает, что может случиться в будущем,- почему его не иметь на всякий случай?

- Господи, как это скучно - о будущем думать. Не боюсь я никакого будущего, всегда сумею прожить и без диплома. Ведь тебе вот тоже оставался всего год до диплома,- не получил, и что ж? Большая от этого беда?

Токарев нахмурился и молчал.

Пролетка переваливалась из ямы в яму по немощеной, изрытой промоинами улице. Под заборами, в бурьяне, валялись дохлые кошки и арбузные корки. Пролетка остановилась у покосившихся ворот небольшого дома. На скамеечке сидел подслеповатый, бритый старик в жилетке и железных очках. Таня крикнула:

- Иван Финогеныч, пожалуйста, откройте нам ворота.

Старик оглядел пролетку и молча пошел отпирать. Они въехали на заросший муравьей двор. В его углу, около садовой калитки,

стоял крохотный флигелек. На крыльцо вышли два студента.

Токарев и Таня сошли наземь. Таня сказала:

- Знакомьтесь, господа. Это мой брат, я вам о нем говорила.

Студенты, немного стесняясь, назвали себя и пожали Токареву руку.

- Шеметов.

- Борисоглебский.

Шеметов, стройный парень в синей рубашке, исподлобья взглянул на Токарева.

- Давайте-ка, я вам снесу.- Взял из его рук чемодан и удивился.- У-ух, тяжелый какой.

Огромный Борисоглебский крутил на подбородке жесткие черные волосики. Заикаясь, он спросил:

- Чай будете пить? Сейчас запалим самоварчик.

Вошли через сенцы в тесную комнату с грязными, полуоборванными обоями. Везде валялись книги. К стене были пришпилены булавками портреты Маркса, Чернышевского и Горького.

Шеметов ушел за булками и закусками. Бо-

Борисоглебский возился в сенцах с самоваром.

Таня села на кровать.

- Ну, вот тебе наша колония... Третьего, Венгера, еще нету,- ушел куда-то... Она помолчала.

- Ну, расскажи же, что ты подельывал в Пожарске?

У Токарева еще не совсем прошло враждебное чувство к Тане. Он неохотно ответил:

- Да нечего рассказывать. Приехал туда из ссылки, служил в управлении железной дороги, ты знаешь. Прослужил год, штаты сократили, я и остался на мели.

- Ну, а что за народ там?

- Никакого "народу" нет, одни лишь обыватели. Скука, тишь, только книгами и спасался. Совершенно мертвый городишко.

Воротился из булочной Шеметов. В сенцах раздался его ворчливый голос:

- Несчастное дитя природы, он все тут с самоваром киснет... Пусти.

- Погоди, углей надо подкинуть,- возразил Борисоглебский.

- Уйди, постылый. "Углей"! Углей довольно,

нужно сапогом раздуть... Вот так. Видал? Э, как пошла... "Угле-ей"...

Таня слушала, улыбаясь.

- Милый парень этот Шеметов. Смотрит исподлобья, голос свирепый, а такая мягкая, деликатная душа. На голоде Вегнер заболел у нас сыпным тифом. Посмотрел бы ты, как он за ним ухаживал: словно мать.

Самовар подали. Сели пить чай.

Пришла Варвара Васильевна вместе с Вегнером. Невысокий и сутулый, с впалую грудью, Вегнер с застенчивою улыбкою пожал руку Токареву и молча сел за чай. Варвара Васильевна с торжеством объявила:

- Сейчас спасла Вегнера от расторгуевских собак. Подхожу к углу, вижу, собаки его окружили, заливаются, а он стоит и собирается применить свой способ. Еле успела ему помешать.

Все засмеялись. Токарев спросил:

- А что это за способ?

- У него свой особенный способ есть отпугивать собак, самый верный. Если бросится собака, нужно только присесть на корточки и грозно взглянуть ей в глаза - она сейчас же

подожмет хвост и убежит.

- Только никак он себе грозного взгляда не может выработать,- заметил Шеметов.

- В этом-то его и горе... Недавно, на голоде, пошел он к лавочнику покупать соли для своей столовой. Выскочила громадная собака; он присел на корточки и грозно взглянул ей в глаза, а она как цапнет его за нос.

Вегнер с улыбкой качал головою.

- Как все точно! Я только говорил вам, что слышал на голоде от одного пономаря о таком способе. А вы каждый день рассказываете, как будто все это и вправду было,- даже знаете, что именно я шел покупать к какому-то лавочнику.

- И завтра будет рассказано так же,- неумолимо сказала Варвара Васильевна.

Темнело. Сменили второй самовар. В маленькие окна тянуло из сада росистою свежестью и запахом спелых вишен. Токарев взял со стола продолговатую серенькую книжку и стал просматривать. Это были протоколы недавнего ганноверского съезда немецкой социал-демократической партии*.

* Съезд состоялся в Ганновере в 1899 году и

осудил Э. Бернштейна, автора книги "Проблемы социализма" (1898), в которой ревизуются основные положения марксизма.

Таня заглянула, какую он взял книжку.

- Вот. Правда, характерно? Весь съезд целиком был посвящен книжонке Бернштейна... Нечего было больше делать.

Токарев перевертывал страницы книжки и сдержанно возразил:

- По-моему, Бернштейн над очень многим заставляет задуматься.

Таня изумилась.

- Господи, Володя! Ну, над чем он может заставить задуматься? Ведь это просто банкрот - успокоившийся, присмиривший и трусливый. И ведь до чего он гаденько-труслив: у него даже не хватает мужества прямо отречься от прежних "мечтаний"...

- Не вижу у него трусости. Напротив, нужно было большое мужество, чтобы выступить с такою книгою. И ни от каких мечтаний он не отказывается, он восстает только против трескучих фраз.

Вегнер слегка покраснел и, пощипывая бородку, спросил:

- Но этого-то вы не будете отрицать, что он - филистер до мозга костей?

- Я этого не отрицаю,- поспешно сказал Токарев.- Но это нисколько не мешает быть его книге по существу глубоко верною. Филистерство остается при авторе, а в книге его все-таки больше настоящего, реалистического марксизма, чем в правоверном марксизме.

Таня насмешливо улыбнулась.

- Удивительное дело. Ты согласен, что он насквозь пропитан филистерством; как же это филистерство может не отражаться на самой сути его построений? Как будто филистерство - это так себе, маленький придаток, который не стоит ни в какой связи с остальным.

Спор разгорелся жестокий. Вмешались другие, и было столько мнений, сколько спорящих. Таня спорила резко, насмешливо, не брезгала софизмами и переиначиванием слов противника. Ее большие глаза с суровою враждою смотрели на Токарева и на всех, кто хоть сколько-нибудь высказывался за ненавистного ей Бернштейна. Было уж за полночь, в комнате стоял душный табачный

дым, а в окна тянуло свежее и глубокою тишиною спавшей ночи.

Варвара Васильевна взглянула на часы и всполошилась.

- Господи, мне уж давно пора в больницу. С двенадцати часов начинается мое дежурство, а теперь уж двадцать минут первого. Прощайте, господа!

Она поспешно надела шляпу, протянула руку Токареву.

- Приходите завтра, я с двенадцати часов буду свободна.- И быстро ушла.

- Ну, пора бы уж и спать,- сказал Токарев.- Правду говоря, голова трещит с дороги.

Он беспомощно огляделся: где его могут тут положить?

- Мы вам сейчас устроим постель,- сказал Шеметов и встал.

Таня опять стала милою и радушною. Она воскликнула:

- Нет, нет, не надо. У вас тут клопов много. Он у меня наверху будет спать, а я пойду ночевать к Варе. Пойдем, Володя.

По крутой лесенке из сенец они поднялись наверх. В крохотной комнатке было жарко от

железной крыши и душно, как в бане. Книжки и статистические листки валялись на полу, на стульях, на кровати. На столе лежала черная юбка. Таня поспешно повесила ее на гвоздь.

- Ну, вот тебе комната... Тебе не будет жестко спать? - спросила Таня и пощупала рукою свою кровать.

Токарев был приятно возбужден спором и общей атмосферой, от которой уж стал отвыкать. Он рассеянно ответил:

- Нет, ничего.

- Ну, спи... Прощай.

Таня пошла к двери. Вспомнила что-то и остановилась

- Да, вот что. Не возьмешься ли ты обдирать тут одно дельце?

Токарев насторожился.

- Что такое?

- Видишь ли... Какое впечатление произвела на тебя Варвара Васильевна?

- Право, не могу сказать,- я ее слишком мало видел.

- Она очень живой человек и дельный. Между тем вот уж третий год киснет тут в То-

милиин-ске, в больнице,- отслуживает земскую стипендию. Ей положительно невозможно здесь оставаться, необходимо перетащить ее в Петербург.

- Ну, да... Но что же я тут могу сделать?

- Видишь ли, мне говорила Варя, ты знал в Петербурге ее двоюродную сестру Засецкую; она кончила на фельдшерских курсах двумя годами раньше Вари. Так вот, эта Засецкая теперь замужем здесь за членом управы Будиновским - либеральный земец, влиятельный человек. Познакомься с ними, они как раз третьего дня приехали на неделю из деревни. Ты человек солидный. Подействуй на Будиновского, уговори его, чтоб Варе сократили срок службы в земстве.

- Она что же, сама хочет этого?

- Ей ничего об этом и говорить не нужно. Она такая щепетильная, ни за что не согласится.

- Вот странно. Какое же мы имеем право без ее разрешения хлопотать за нее?

- Ах ты, господи! - Таня досадливо передернула плечами и быстро прошлась по комнате. - Ну, я не знаю,- как хочешь, а здесь ей

невозможно оставаться. Я прямо не могу с этим примириться.

- Проведать Засецкую я не прочь, мне интересно повидать ее. Но хлопотать за Варвару Васильевну без ее разрешения - это, по-моему, бесцеремонно прежде всего по отношению к ней же самой... А скажи, пожалуйста, я и не знал, что Варвара Васильевна получала стипендию; ведь ее родители - богатые люди, имеют имение под Томилином.

- Да, только оно все в долгах, усадьба разваливается, отец сильно в карты играет. Они только наружно богаты... Ну, однако, прощай. Спи... Так завтра мы все-таки пойдем к Будиновским.

Таня ушла. Токарев сел на окно, закурил папироску. Росистый сад, облитый лунным светом, словно замер. Было очень тихо. Только изредка полно и увесисто шлепалось о землю упавшее с дерева яблоко. Вдали кричали петухи.

Варвара Васильевна произвела на Токарева довольно бледное и расхолаживающее впечатление. А между тем в Пожарске и раньше - в Вятской губернии он думал о ней с

сладким и захватывающим чувством. В Петербурге они были хорошо знакомы. Время стояло горячее, волна общественного настроения начинала подниматься все выше, они не заметили, как сближение их стало чем-то большим, чем дружба. Однажды вечером, вдруг, в неожиданном порыве, Токарев высказал Варваре Васильевне то, что он к ней чувствовал; Варвара Васильевна резко и испуганно отшатнулась и с этого времени стала все больше замыкаться и отдаляться от Токарева. А между тем он чувствовал, что и она любит его... Вскоре Токарева арестовали, потом сослали в Вятскую губернию. Они все время переписывались, и в этой переписке образ Варвары Васильевны делался для него все светлее, чище и дороже. Теперь, увидев ее, он почувствовал разочарование. Идеальный образ, увеличенный расстоянием, оделся плотью и превратился в обыкновенную девушку, - к тому же бледную, похудевшую и постаревшую; только лицо ее, строгое и красивое, немножко подходило к прежней мечте.

Токарев начал раздеваться. Сел на кровать, чтоб снять ботинки, уперся в нее рука-

ми - и остановился.

- Одна-ако!..- Он поднял одеяло и простыни. На сосновых подставках лежали три неоструганных доски, покрытые тонким солдатским сукном,- и больше ничего, это была вся постель.

Токарев расхохотался. Он вспомнил, как Таня спрашивала: "Не жестко будет тебе?"

- Да, "не жестко",- громко сказал он, щупая ладонью твердые доски. Охватило горячее умиление к Тане; видимо, ей самой это действительно не жестко; она заботилась, чтоб ему было поудобнее; он сказал: "Не будет жестко",- и она успокоилась.

Токарев развязал свои ремни, уложил на доски пальто, подушки, плед, все, что было в комнате из Таниной одежды, и кое-как устроил сносную постель. Все улыбаясь, он потушил свечу и лег.

Прошел час, другой,- Токарев не мог заснуть. Было душно, кусали комары и мошки, жесткие Танины простыни терли тело. Наложённые вместо тюфяка вещи образовали в постели бугры, и никак нельзя было удобно улечься. Хотелось пить, а воды не было. Тока-

рев лежал потный, угрюмый и злой и вспоминал свою уютную квартиру в Пожарске. Опять он бездомен. Будущее темно и неверно, и что хорошего может он ждать от этого будущего?

II

В широком коридоре больницы пахло ванилианкой и мятой. Таня постучала в небольшую белую дверь. Ответа не было. Она отворила дверь. Комната была пуста.

- Ну, так я и думала. Вари еще нет. А уж второй час. Наверно, помогает кому-нибудь управляться. Я положительно не видывала, чтоб человек когда-нибудь так работал. С утра до ночи возится с больными, все служащие выезжают на ней и сваливают на нее всю работу, а она и в ус себе не дуется.

Комната была большая и чистая, два окна выходили в больничный сад.

Токарев сел в кресло и закурил папиросу. Таня прошлась по комнате, остановилась перед этажеркою и стала пересматривать книги. За дверью тонкий женский голос спросил:

- Варенька, вы у себя?

Таня поморщилась.

- Ее нет здесь.

В комнату, с книжкой в руках, вошла молодая девушка в сером платье бледная, с круглыми, странно-светлыми голубыми глазами. Токарев поднялся с кресла. - Здравствуйте, Татьяна Николаевна. Варенька скоро придет?

- Не знаю я,- хмуро ответила Таня.

Девушка растерянно поглядывала на Токарева. Таня пробурчала:

- Мой брат. Ольга Петровна Темпераментова.

Темпераментова почтительно пожала руку Токарева.

- Я очень рада, мне Варенька столько рассказывала про вас. Она ужасно рада, что вы перебираетесь из Пожарска в Томилинск... Я эти дни как раз вспоминала об вас: я вот читаю Варенькину книжку, Энгельса, "О происхождении семьи", с вашей надписью ей... Какая книжка, просто замечательно! Так глубоко, так ясно все изложено... Как неопровержимо доказывается правильность материализма...

Слова сыпались, как мелкие горошины, ровные, круглые и сухие. На душе сразу стало

сухо и пусто. Токарев слушал, стараясь изобразить на лице внимание. Таня села к окну и стала читать. А Ольга Петровна со своими растерянными, странно-голубыми глазами продолжала высипать свое восхищение от книжки.

Пришла, наконец, Варвара Васильевна. Она сняла больничный халат, поспешно вышла и воротилась с горячим кофейником. Сиделка внесла поднос с чашками.

- Ну, слава богу. Свободна,- облегченно вздохнула Варвара Васильевна и села на кровать.

- Долгонько вы "освободились",- с улыбкой заметил Токарев.

Темпераментова влюбленными глазами следила за Варварой Васильевной.

- Ведь вы не знаете, Варенька такая добросовестная. Всем ей нужно помочь, за всем присмотреть. Главный доктор прямо говорит, что ею держится вся больница...

- Варя, пойдемте сейчас к Будиновским,- прервала Таня.- Володя хотел бы повидать Марию Михайловну.

- Отлично. Сейчас после кофе и пойдем.

Сели пить кофе. Ольга Петровна сыпала своим пустым разговором, время шло томительно и угнетающе. Все поспешили кончить.

Вышли на улицу. Таня шла, нахмуренная и злая.

- По-моему, это профанация Энгельса - давать его читать таким господам. Не понимаю, чего вы возитесь с нею. Ведь пять минут побыть с нею - это каторга.

- Скучновата она, верно,- согласилась Варвара Васильевна.- Да и навязчива немножко. А все-таки она очень хороший человек... и несчастный. С утра до ночи бегаёт по урокам, на ее руках больной отец и целая куча сестреночек; из-за этого не пошла на курсы...

На тихой Старо-Дворянской улице серел широкий дом с большими окнами. Густые ясени через забор сада раскинули над тротуаром темный навес. Варвара Васильевна позвонила. Вошли в прихожую. В дверях залы появилась молодая дама в светлой блузе - белая и полная, с красивыми синими глазами.

- А-а, Варенька! Редкий гость.- Она радостно поцеловалась с Варварой Васильевной. Потом с недоумевающей улыбкой прищурилась

близорукие глаза на Токарева.

- Не узнаете, Марья Михайловна? - улыбнулся Токарев.

- Ах, господи, да это Владимир Николаевич! Я слышала от Вареньки, что вы перебираетесь в Томилинск... Как же вы изменились! Ну, здравствуйте, здравствуйте! - Она крепко, несколько раз, пожала руку Токарева.- Пойдемте, господа, в кабинет... Боря, иди сюда! К нам гости!

Мягко ступая летними башмаками, из кабинета медленно вышел высокий, плотный господин с русою бородкою, остриженной клинышком. Марья Михайловна перезнакомилась всех. Вошли в просторный, прохладный кабинет.

- Это Токарев, Владимир Николаевич... Я тебе часто рассказывала про него. Приятелями были в Петербурге.

На дубовом письменном столе в порядке лежали книги и бумаги. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь жалюзи, весело играли на зеленом сукне стола и на яркой бронзе письменных принадлежностей. У окон величественные латании, нежные арки и кенции

переплетали узоры своих листьев. В кабинете было комфортно и уютно.

- Я слышал, вы переселяетесь к нам в Томилино? - медленно спросил Будиновский, глядя на Токарева спокойными, серьезными глазами.

Он стал расспрашивать Токарева о его прежней жизни, слушал и сочувственно кивал головой. Токарев рассказывал, а сам приглядывался к Марье Михайловне. В Петербурге, курсисткой, она была тоненькая и худенькая, с большими, чудесными глазами, полными беспокойства и вопроса. Теперь глаза смотрели мягко и удовлетворенно. Красивое, полное тело под легкую блузу дышало тихим покоем.

- Да, Варвара Васильевна, я вам хотел сообщить, - вспомнил Будиновский. Вы простите меня, но я вашего заявления до сведения управы не довел.

Варвара Васильевна нахмурилась и холодно сказала:

- Очень жаль. В таком случае я сама напишу председателю.

- Вот, Владимир Николаевич, подействуйте

хоть вы на Варвару Васильевну,- с улыбкой обратился Будиновский к Токареву.- Весною на земском собрании мы единогласно постановили выразить Варваре Васильевне благодарность за ее сердечное и добросовестное отношение к боль-ным в нашей больнице. Послали ей соответственную бумагу, а она в ответ подала мне заявление, что не нуждается в нашей благодарности... Ну как можно это делать?

- А как можно благодарить человека за то, что он исполняет взятые на себя обязанности? - резко возразила Варвара Васильевна.- Благодарят за самое обыкновенное исполнение своих обязанностей! Да ведь это дико! Этак скоро дождешься еще благодарности за то, что не обворо-вываешь больных и не берешь с них взятки!

Будиновский улыбался, забавляясь ее негодованием.

- Мы благодарили вас именно за особенное отношение к своим обязанностям, а не за обычное, формальное; отзвонил, и с колокольни долой!

- Ну, не стоит об этом говорить! Дело само

по себе слишком ясно. Я работаю вовсе не для вашего земского собрания, и мне решительно все равно, одобряет оно меня или порицает.

В ее голосе зазвенели слезы обиды. Она быстро прошлась по кабинету и, закусив губу, остановилась у окна. Будиновский посмеивался. Токареву тоже было немножко смешно. Таня слушала, внимательно насторожившись, глаза ее блестели; у нее создавался новый план.

Вошла горничная и доложила, что подано кушать. Марья Михайловна встала.

- Господа, пойдёмте обедать!

Направились в столовую. Таня отстала от других и остановила Будиновского.

- Борис Александрович, мне нужно с вами поговорить.

Будиновский с удивлением посмотрел на Таню и любезно сказал:

- Пожалуйста! В чем дело?

- Видите ли... Вы сейчас рассказывали, как довольна управа службою Варвары Васильевны. Ей еще год нужно отслужить стипендию... Нельзя ли, во внимание к ее выдающейся деятельности, устроить так, чтоб про-

стить ей этот год?

Будиновский, наклонив голову, внимательно слушал.

- Я не совсем вас понимаю... Зачем ей это нужно?

- Затем, что тогда она может уехать отсюда,- в Петербург, например. Ее только отслуживание стипендии и удерживает здесь.

- Я этого не знал.

Будиновский в замешательстве погладил бородку и медленно прошелся по кабинету.

- Откровенно говоря, мне сделать это чрезвычайно неудобно. Вы знаете, Варвара Васильевна - двоюродная сестра моей жены. На меня и так все косятся за мой последний доклад о недостатках постановки народного образования в нашей губернии; если же я предложу сделать, что вы желаете, то все скажут, что я "радею родному человечку"*.

* Заимствование у А. С. Грибоедова (см. комедию "Горе от ума", действие 2, явление 4).

- Господи, стоит на это обращать внимание!

- Очень даже стоит,- серьезно возразил Будиновский.

- Что же теперь делать? - Таня задумалась. Вот что: тогда познакомьте меня с каким-нибудь другим влиятельным членом управы.

"Вот неугомонная!" - подумал Будиновский и неохотно ответил:

- Сейчас все разъехались из города. Раньше осени все равно ничего нельзя сделать.

- Господа! Идите же обедать! - крикнула из столовой Марья Михайловна.

Таня быстро сказала:

- Только, пожалуйста, не говорите Варе о нашем разговоре.

Они пошли в столовую. По тарелкам уже была разлита ботвинья с розовыми ломтиками лососины и прозрачными кусочками льда. На конце стола сидел рядом с бонной шестилетний сын Будиновских, в матроске, с мягкими, длинными и кудрявыми волосами. Он с любопытством глядел на Токарева и вдруг спросил:

- Зачем у тебя синие очки?

- Ах, Кока, ну что тебе за дело? - рассмеялась Марья Михайловна. - У дяди глазки болят.

- Глазки болят... Тогда нужно компрессы,-

уверенно сказал Кока.

- Какой опытный окулист! - улыбнулся Бу-
диновский Токареву.

Марья Михайловна вздохнула.

- Да, тут станешь опытным!.. Всю эту зиму он у нас прохворал глазами; должно быть, простудился прошлым летом, когда мы ездили по Волге. Пришлось к профессорам возить его в Москву... Такой комичный мальчугашка! - Она засмеялась.- Представьте себе: едем мы по Волге на пароходе, стоим на палубе. Я говорю. "Ну, Кока, я сейчас возьму папу за ноги и брошу в Волгу!.." А он отвечает: "Ах, мама, пожалуйста, не делай этого! Я ужасно не люблю, когда папу берут за ноги и бросают в Волгу!.."

Все рассмеялись. Кока, ухмыляясь, оглядывал смеющихся.

В передней раздался звонок. Вошел красивый студент в серой тужурке, с ним молодая девушка - розовая, с длинною косою. Это приехали за Варварой Васильевной из деревни ее брат Сергей и сестра Катя.

Сергей, только что вошел, быстро спросил:
- Получила отпуск?

- Получила!

- Чудесно! Значит, едем!

- Сережа, Катя! Садитесь скорей, ешьте ботвинью! - сказала Марья Михайловна.

Пришедшие поздоровались. Сергей крепко и радостно пожал руку Токареву, видимо, он уж слышал о нем от сестры.

- А мы с Катей приехали, сунулись к тебе, - обратился Сергей к Варваре Васильевне. - Тебя нету, сидит только девица эта... Как ее? С психологической такой фамилией. Сказала, что вы сюда пошли... Ну, а ты, шиш, как поживаешь? - спросил он Коку. - Дифтеритом не заразился еще? Пора бы, брат, пора бы тебе схватить хороший дифтеритик.

- Ах, Сережа, ну что это такое?! - воскликнула Марья Михайловна.

- Нет, ей-богу, следовало бы ему заразиться! Живут в деревне, мать - по образованию фельдшерица и не позволяет бабам приносить к себе больных ребят, - заразят ее Коку!

Марья Михайловна заволновалась.

- Ну, Сережа, мы лучше об этом не будем говорить! Я не могу заниматься общественными делами. Женщина, имея детей, должна

жить для них - это мое глубокое убеждение.

Сергей изумленно вытаращил глаза.

- Какое же это общественное дело - каломелью или хинину дать ребенку?

- Мы делаем для народа все, что можем. Благодаря Борису в нашем уезде прибавлено восемь новых фельдшерских пунктов, увеличена сумма, отпускаемая на лекарства... Мы за это имеем право не подвергать опасности Коку. Я могу жертвовать собою, а не ребенком... Владимир Николаевич, что ж вы себе лафиту не наливаете? Боря, налей Владимиру Николаевичу... Нет, право, эта молодежь - такая всегда прямолинейная,- обратилась она к Токареву.- Недавно продали мы наше мценское имение,- только одни расходы с ним. Сережа смеется: будете, говорит, теперь стричь купоны?.. Я решительно не понимаю,- что ж дурного в том, чтоб купоны стричь? Почему это хуже, чем хозяйничать в имении?

- Я ничего против купонов не имею,- возразил Сергей с легкой улыбкой. Но Борису Александровичу не восемьдесят лет, чтобы сидеть на ворохе бумаг и резать купоны.

- Это все равно. Мы не имеем права риско-

вать капиталом.

- Почему так?

Марья Михайловна поправила кольца на белых, мягких пальцах.

- Деньги от мценского имения целиком должны остаться для Коки.

После цыплят подали мороженое, потом кофе. Сергей перешептывался с Таней. Будиновский курил сигару и своим медленным, слегка меланхолическим голосом рассказывал Токареву об учрежденном им в Томилинке обществе трезвости.

- А какую прекрасную публичную лекцию в пользу этого общества прочел у нас недавно Осьмериков, Алексей Кузьмич,- обратилась Марья Михайловна к Токареву.- О рентгеновских лучах... Это учитель гимназии нашей,- такой талантливый человек, удивительно! И как его дети любят! Вот, если бы у нас все такие учителя были, я бы не боялась отдать Коку в гимназию.

- Действительно, удивительно дети его любят,- сказала Варвара Васильевна.- Весною встретила я с ним на улице, идет в целой толпе гимназистиков. Разговариваю с ним, а

маль-чуган сзади стоит и тихо, любовно гладит его рукою по рукаву... Так жалко его, беднягу,- в злейшей чахотке человек.

- Только ужасно долго он лекцию эту читал,- улыбнулась Марья Михайловна.- Два часа без перерыву. Хоть и демонстрации были, а все-таки утомительно слушать два часа подряд.

- Да, у нас вообще не привыкли долго слушать,- сказал Токарев.- Вот в Германии, там простой рабочий слушает речь или лекцию три-четыре часа подряд, и ничего, не устает.

- Так это почему? Они сидят себе, пьют пиво и слушают; женщины вяжут чулки... Когда чем-нибудь занимаешься, всегда легче слушать. Да вот, например, мы иногда с Борисом читаем по вечерам "Русское богатство". Я читаю, а он слушает и рисует лошадиные головки. Это очень помогает слушать.

Сергей расхохотался.

- Ч-черт знает, что такое... Лошадиные головки... А ведь остроумно вы это придумали!

Он смеялся самым искренним, веселым смехом. Будиновский сконфузился и нахмурился.

- Ну, Маша, что ты такое рассказываешь? Просто, я вожу машинально карандашом по листу, а по твоему рассказу выходит так, что без лошадиных головок я и слушать не могу.

Марья Михайловна стала оправдываться.

- Нет, я только говорю, что это все-таки помогает сосредоточиваться. Ведь, правда, как-то легче слушать.

Сергей несколько раз замолкал и опять прорывался смехом. Таня скучала. Варвара Васильевна перевела разговор на другое.

Опять раздался звонок. Вошел господин невысокого роста и худой, с большою, остриженной под гребешок головою и оттопыренными ушами; лицо у него было коричневого, нездорового цвета, летний пиджак болтался на костлявых плечах, как на вешалке.

- А-а, Алексей Кузьмич! - приветливо протянула Марья Михайловна.- Вот легок на помине. А мы только что говорили о вашей лекции. Все от нее положительно в восторге.

- Угу! - пробурчал Осьмериков и подошел поздороваться,- подошел, втянув наклоненную голову в поднятые плечи, как будто ждал, что Марья Михайловна сейчас ударит

его по голове палкою.

- Ну, здравствуйте,- сказал он сильным голосом, сел и нервно провел рукой по стриженной голове.- А я слышал от Викентия Францевича, что вы приехали, вот забежал к вам... Да, вот что! Кстати! - Осьмериков тусклыми глазами уставился на Сергея.- Скажите, вы не знаете, Коло-менцев Александр кончает в этом году?

- Уж кончил, кажется,- небрежно ответил Сергей.- Даже при университете оставлен.

- А-а! - хрипло произнес Осьмериков.- Дай бог дай бог!

- Ну, не знаю, чего тут "дай бог". Ведь это полнейшая бездарность.

Осьмериков своим сильным, срывающимся голосом возразил:

- Зато работник! Это гораздо важнее! Для жизни нужны работники, а не одаренные люди... Ох, уж эти мне одаренные люди! Вы мне, пожалуйста, не говорите про них, я им ничего не доверю, никакого дела,- вашим "одаренным людям".

- Оди-нако! - удивился Сергей.- Уж что-что другое, а бездарность-профессор - это нечто прямо невозможное.

- Да ведь светочей-то среди них - всего два-три процента, не больше! воскликнул Осьмериков.- А остальные... Вот я недавно был в Москве на физико-математическом съезде. Ужас, ужас!.. У-ужас! - Он поднялся с места и быстро огляделся по сторонам.- Где люди? Нету их. Профессор математики, ученый человек, европейская величина, а заставь его поговорить с ребенком он не может! Слишком сам он большая величина. Ребенок для него - логарифм! Вот такая коробочка, в которую нужно запихивать знания, пихай! Извольте видеть? Во-от-с!.. А я вам скажу: умный человек не тот, кто умеет логически мыслить, а тот, кто понимает чужую логику и умеет в нее войти. Вот иной раз у меня же в классе. Толкуешь, толкуешь мальчишке,- никак не возьмет в толк. Кто виноват? Я! Я не поймал его логики!.. Вызовешь другого мальчика: ты понял? - Понял! - Ну, ступай с ним за доску, объясни ему там... И объяснит. А я вот, старый дурак, не сумел!

Он снова быстро сел на стул и придвинулся с ним к столу. Сергей неохотно возразил:

- Так вот, ведь вы, именно, и доказываете,

что педагогом может быть только одаренный человек.

- Нет-с, нет-с, я этого не доказываю! Нужно быть только добросовестным работником, не смотреть на жизнь свысока, не презирать ее! Не презирать чужой души, не презирать чужой логики!

Осьмериков говорил быстро, нервно и глядел на Сергея тусклыми, как будто бесцветными и в то же время пронизательными глазами.

- Бездарный работник именно на это-то и не способен,- сказал Сергей.

- Почему нет? Почему нет?

- Потому что он слишком преклоняется перед...

- Почему нет?

- ...перед собственной логикой. Она для него все.

- Нам нужны "большие дела", на малые мы плюем. Почему нет?

Осьмериков снова порывисто встал и начал оглядываться, как будто собирался немедленно уйти, потом опять сел.

- "Одаренные люди"!.. О господи! Избави

нашу жизнь от одаренных людей! Они-то все и баламутят, они-то и мешают нормальному течению жизни... Вот, я вам прямо скажу: вы - одаренный человек. Я все время видел это, когда вы были моим учеником. И тогда же я сказал себе: для жизни от вас проку не будет... Вас вот в прошлом ходу исключили из Московского университета, через год исключат из Юрьевского. И кончите вы жизнь мелким чиновшей в акцизе или сопьетесь с кругу. Почему? Потому что нам нужно "большое дело", обыденный, будничный труд для нас скучен и пошл, к "пай-мальчикам" мы питаем органическое отвращение!

- Верно! Прямо органическое отвращение питаю!

Осьмериков обрадовался.

- Ну, во-от! Не правда, что?.. Серые, обыденные люди для вас не существуют, они для вас - вот тут, под диваном... Милый мой, дорогой! Жизнь жива серыми, тусклыми людьми, ее большое дело творится из малого, скучного и ничтожного!

Таня встала.

- Мне пора идти! - сказала она.- Нужно еще

поспеть в статистический комитет.

- Господа! Пойдемте, нам ведь тоже уж давно пора! - обратился Сергей к остальным.

III

Они вышли. Вечерело. Вдали еще шумел город, но уже чувствовалась наступающая тишина. По бокам широкой и пустынной Старо-Дворянской улицы тянулись домики, тонувшие в садах. От широкой улицы они казались странно маленькими и низенькими.

- Кто этот гриб? - спросила Таня.

Сергей усмехнулся.

- Осьмериков-то?.. Чистая душа!.. Ведь действительно вся душа светится. Но сколько он народу среди учеников перепортил своею чистую душою!

- Как душно с ними! - Таня быстро повела плечами.- И какое все кругом маленькое, низенькое, смиренное! Совсем вот, как эти домики... И арифметика, и чувства - все какое-то особенное: малое больше большого, серое ярче красного.

- А как вы нашли Марью Михайловну? - обратилась Варвара Васильевна к Токареву.

- Какая она стала... мягкая и белая! - улыб-

нулся Токарев.

- Страшно! Страшно, как человек меняется! - задумчиво сказала Варвара Васильевна.- Ведь одно лишь имя осталось от прежнего. Что значит семья и дети...

- Да,- вздохнул Сергей,- много я видал семейных счастья и нахожу, что на свете ничего нет тухлее семейного счастья.

- И это положительно что-то роковое лежит в женщине,- продолжала Варвара Васильевна,- ребенок заслоняет от нее весь большой мир... Нет, страшно, страшно!.. Никогда бы не пошла замуж!

Таня с неопределенною улыбкою возразила:

- Я не знаю,- отчего? Все зависит от самого человека. Я бы вышла, если бы захотела.

- Совершенно с вами согласен,- решительно сказал Сергей.- Люди устраивают себе тухлятину. Виноваты в этом только они сами. Почему отсюда следует, что нужно давить себя, связывать, взваливать на себя какие-то аскетические ограничения? Раз это - потребность, то она свята, и бежать от нее стыдно и смешно... Эх, ночь какая будет! Господа, чуе-

те? Давайте, выедем сегодня же. Лошади отдохнули, а ночи теперь лунные, светлые... Заберем всю колонию с собою и поедем.

У Тани разгорелись глаза.

- Вот это славно!.. Им всем полезно будет отдохнуть: в Питере жили черт знает как, на голоде сами голодали, а тут уж совсем пооблезли... Превосходно! Все и поедем!

Когда они пришли в колонию, там все сидели за работой. Сергей объявил:

- Ну, ребята, одевайтесь! Едем в деревню!

- Да ну-у? - просиял Борисоглебский.- Вот так здорово! Серьезно?

Таня оживленно говорила:

- Статистику заберем с собою, и там можно будет работать! А деревня, говорят, чудесная. Славно недельку проживем.

Митрыч слабо свистнул и с торжествующим видом запрыгал по комнате, неуклюже поднимая ножищи в больших сапогах.

- Чай, и простокваша есть у вас там?.. Собирайся, ребята!

- Ишь, зачуял простоквашу, взыграл!.. Ну, забирайте вашу статистику, одевайтесь. А я пойду на постоялый, велю закладывать лоша-

дей.- Сергей ушел.

Варвара Васильевна сказала:

- Только, господа, еще одно: нужно будет и Ольгу Петровну взять с собою, Темпераментову.

Таня скорбно уронила руки и застонала.

- Ну, Таня, ну что же делать? Пускай и она немного отдохнет. Ведь совсем, бедная, заработалась за зиму.

- Отрава! - вздохнул Митрыч.- Аппетита к жизни лишает человека! А что оно, конечно, того... Нужно же и девчонке отдохнуть, это верно.

В девятом часу вечера из города выехал запряженный тройкою тарантас, битком набитый народом. Сидели на козлах, на приступочках, везде. Сергей правил.

- Селедки, селедки моченые! - тонким голосом кричал Шеметов, когда навстречу попадались проезжие мужики.

Тарантас выкатил на мягкую дорогу. Заря догорела, вошла луна. Лошади бежали бойко, Сергей ухал и свистал, в тарантасе спорили, пели, смеялись.

Была глухая ночь, когда гости приехали в

Изворовку. Их не ждали. Встала хозяйка Конкордия Сергеевна Изворова, суетливая, радужная старушка. Подали молока, простокваши, холодной баранины. Сонные девки натаскали в гостиную свежего сена и постелили гостям постели. Уж светало, когда все - оживленные, веселые и смертельно усталые - залегли спать и заснули мертвецки.

IV

Изворовка была старинная барская усадьба - большая и когда-то роскошная, но теперь все в ней разрушалось. На огромном доме крыша проржавела, штукатурка облупилась, службы разваливались. Великолепен был только сад - тенистый и заросший, с кирпичными развалинами оранжерей и бань. Сам Изворов, Василий Васильевич, с утра до вечера пропадал в поле. Он был работник, хозяйничал усердно, но все, что вырабатывал с имения, проигрывал в карты.

Жизнь для гостей текла привольная. Вставали поздно, купались. Потом пили чай и расходились по саду заниматься. На скамейках аллей, в беседках, на земле под кустами, везде сидели и читали,- в одиночку или вместе. По-

сле завтрака играли в крокет или в городки, слушали Катину игру на рояли. Вечером уходили гулять и возвращались поздно ночью. Токарев чувствовал себя очень хорошо в молодой компании и наслаждался жизнью.

Прошла неделя. Завтра "колония" должна была уезжать. На прощание решили идти куда-нибудь подальше и прогулять всю ночь. Был шестой час вечера. Токарев и студенты сидели с простынями под ближними елками и ждали, когда выкупаются барышни. День был очень жаркий и тихий, в воздухе парило.

Сергей крикнул:

- Эй, девицы! Скорей! Прохлаждаются себе уж два часа, а тут кисни... Эй, барышни! Потопли вы там, что ли?

От террасы быстро прошла по дорожке Таня с простынею на плече и книгою под мышкой.

- Тэ-тэ-тэ!.. Татьяна Николаевна! Это что же, вы только еще идете купаться?

Таня быстро ответила:

- Я в одну минуту буду готова, только один раз окунусь.

- Слушай, Таня, ведь это невозможно,- раздражаясь, сказал Токарев. Ведь кричали тебе купаться,- нет, сидела и читала, а знаешь, что люди ждут. А когда кончают, теперь идешь. Еще полчаса ждать!

- Ну, вот увидишь, я с ними в одно время ворочусь.- И Таня прошла.

Токарев прикусил губу, стараясь не показать своего раздражения. Как раз вчера утром он проспал и шел купаться, когда там уже купались, а Таня сидела под елками и ждала. Она энергично воспротивилась и непустила его,- по одиночке будете ходить, так целый день придется тут ждать... А сегодня сама делает то же самое... Шеметов сидел на столе и лениво раскачивал ногами.

- Черт возьми, голова трещит! Облом этот Митрыч в восемь часов сегодня поднял... Слушай, Сережка, убери ты его, пожалуйста, от нас в другую комнату, я с ним, с подлецом, не могу спать.

Митрыч, ослабив лицо, посмеивался.

- Ты же сам вчера просил разбудить тебя.

- А сегодня утром я тебя просил не будить...

Черт знает, как восемь часов,- хватает и стас-

кивает с постели. Этакая свинья!

- А уж Сашка-то тут извивается! - засмеялся Вегнер.- Осторожнее, ты меня запутал!.. Ой, Митрыч, оставь, я очень похудел!.. Бог знает, что говорит, и самым серьезным, озабоченным тоном.

- Потеха у нас... того... бывает с ними по утрам! - обратился Митрыч к Токареву.- Вечером просят будить: это, говорят, разврат - спать до полудня. Ну, я и стараюсь. Значит, стащишь Сашку с постели, он ругается, а потом вдруг вскочит и бросится немца стаскивать.

Шеметов сердито говорил:

- Нет, я, главное, не понимаю, для чего будить! Невыспавшийся человек не в состоянии работать; что же он? Будет только сидеть над книгой и клевать носом. Это все равно, что пустым ведром воду черпать!

- Гм...- Сергей задумался.- А ты полагаешь, что обыкновенно воду черпают полным ведром?

- Полным, пустым - мне все равно. Я ваших глупых пословиц вовсе не желаю знать.

- Он вообще насчет пословиц и цитат лю-

битель,- заметил Вегнер.- Вчера вдруг провозглашает:

На свете много есть, мой друг Горацио,
Чего нехитрому уму не выдумать и ввек!
Уверяет, что это Шекспир сказал...*

Сергей заорал:

- Эй, вы, девицы! Скоро вы?

От пруда донесся голос Тани:

- Сейча-ас.

Но там все слышались плеск воды и смех.

* "Гамлет", действие 1, явление 5.

Токарев кипел. Что за бесцеремонность!

Она даже и не считает нужным поторопиться!.. Вообще за эту неделю у Токарева много накопилось против Тани. Приехавшая с ними из Томили-нска Темпераментова была действительно невыносимо скучна, но так третировать человека, как третировала ее Таня, было положительно невозможно. Больше же всего Токарева возмущало в Тане ее невыносимое разгильдяйство,- она приехала сюда, не взяв с собою из одежды решительно ничего,- не стоит возиться, а тут без церемонии носила белье и платья Варвары Васильевны и Катя. Так же она относилась и к чужим день-

гам: Токарев из своего скудного заработка в Пожарс-ке высылал ей в Петербург денег, чтоб дать возможность кончить курсы; ни разу она не отказалась от денег, хотя могли же быть у нее хоть иногда кой-какие заработки; этою весною она вышла с курсов, ничего ему даже не написала, а деньги от него продолжала получать.

Наконец, со стороны пруда раздалось:

- Идите!.. Можно!

Барышни поднимались по тропинке. Таня сказала Токареву:

- Ну, видишь, в одно время кончила со всеми!

Он ничего не ответил и прошел мимо.

Горячее солнце играло на глади большого пруда, старые ивы на плотине свешивали ветви к воде. От берега шли мостки к купальне, обтянутой ветхою, посеревшою парусиною, но все раздевались на берегу, на лавочках под большою березою

Шеметов и Сергей лениво разделись и остались сидеть на скамейке. Вегнер уж давно был в воде. Маленький и юркий, он, как рыба, нырял и плескался посредине пруда.

Шеметов спросил:

- Слушай, немец, вода теплая?

- Приятная! - значительно крикнул Вегнер.

- Гм...- Шеметов взошел на мостки и попробовал ногою воду.- Да-а, "приятная"!..

Борисоглебский стоял на берегу - огромный, мускулистый и голый, обросший жесткими черными волосами, с странно щурившимися без очков глазами. Протянув руку вперед, он пел своею глубокою, рычащею октавою:

Проклятый мир!

Презренный мир!

Несчастный,

Ненавистный мне...

Ой, черт!..

Шеметов с мостков брызнул в него водою. Борисоглебский серьезно сказал:

- Ну, что за свинья! Ведь холодная она, вода-то! - Он потер себе бок и продолжал:

Несчастный,

Ненавистный мне мир!..

Сергей перемигнулся с Шеметовым и Вегнером, с невинным видом вошел в воду,- и на Митрыча полился целый дождь брызг.

- Чер-рти!! - зарычал Митрыч и ринулся на них. Вегнер и Сергей, как лягушки, бросились в воду. Шеметов перед носом Митрыча захлопнул дверь купальни и заперся на крючок. Митрыч, сильный, как медведь, плавал плохо и в воде чувствовал себя неуверенно.

- Погодите вы, черти! Выйдете на берег, я вас каждого заставлю "Проклятый мир" спеть!

Шеметов из купальни крикнул:

- Ребята! Заключим против него общий морской союз!

- Идет! - отозвался с середины пруда Сергей.- Лезь в воду, Сашка!

- Да вода, брат, холодная!

Борисоглебский на берегу пел:

Сражался я, искал я смерти,

Но остался жив...

Сергей и Вегнер тихо, стараясь не шуметь, подплывали к купальне.

- Ой, подлецы!.. Карау-ул!! - завопил вдруг в запертой купальне Шеметов под хохот других голосов. Сергей и Вегнер нырнули в купальню и обрызгали Шеметова.

- Ой!.. Погодите, мне вам что-то нужно ска-

зять! - кричал Шеметов, а вода бурлила в купальне, и брызги взлетали высоко вверх.

Дверь хлопнула, и Шеметов бомбою вылетел на берег.

И будешь ты царицей ми-и-ира

Подруга первая моя...-*

рявкнул Борисоглебский и, широко расставив руки, облапил Шеметова.

* Ария из оперы А. Г. Рубинштейна "Демон" (1872), написанной на слова поэмы М. Ю. Лермонтова.

Шеметов серьезным, озабоченным тоном говорил:

- Ой, Митрыч, погоди! Что мне тебе нужно сказать!.. Поосторожнее, пожалуйста, я запутался!

- Он запутался! - смеялись в купальне.

- Пой: "Проклятый мир!"

- Убирайся к черту!.. Ах ты, кутья несчастная!

Шеметов ловко дернулся и охватил Борисоглебского. Началась борьба. Шеметов, ловкий и стройный, искусно увертывался от попыток Митрыча сломить ему спину. Тела переплелись, нап-рягшиеся крепкие мышцы

оставляли на коже красные следы. Митрыч с силою налег на Шеметова, тот увернулся и брякнул Митрыча наземь, но Митрыч уж на земле подмял его под себя.

Задыхаясь, он навалился на Шеметова.

- А-а, брат!.. Ну, пой: "Проклятый мир!"

И запустил ему толстый большой палец под ребра.

- Бо-ольно, Митрошка!

- Пой: "Проклятый мир!"

- Ой-ой!.. Кишки выдавишь, свинья!

- Пой,- сейчас пущу!.. "Прокля-атый мир!.."

Шеметов неистово завопил:

- "Проклятый мир!"

- "Презре-енный мир!.. Несчастный!.." - подсказывал Борисоглебский и ворочал пальцем под ребрами Шеметова.

- "Презренный мир!.." Ой, Митрофан проклятый, саврас без узды!..

Митрыч мрачно и сосредоточенно подсказывал:

- "Несча-астный..."

- "Несча-астный..."

- Морской союз идет на континент! - крикнул Сергей.

Он и Вегнер выскочили из воды и вцепились в Митрыча.

Четыре тела слились в общую кучу. Они возились и барахтались на траве. Мелькало красное, напряженное лицо Митрыча и его огромные мускулистые руки, охватывавшие сразу двоих, а то и всех троих. Токарев сидел на скамейке, смеялся и смотрел на борьбу. Ему бросилось в глаза злобно-нахмуренное лицо Сергея, придавленного к земле локтем Митрыча. Наконец, Борисоглебского подмяли под низ, и все трое навалились на него.

Все еще со злым лицом, Сергей запустил ему палец в живот и крикнул:

- Пой: "Проклятый мир!"

- "Прокля-аый мир!" - покорно заорал Митрыч - так дико, что галки на ивах всполохнулись и с криком полетели прочь.

- Дальше.

- "Презре-енный мир!.. Несчастный!.. Ненавистный мне мир!.."

Его выпустили. Все поднялись - красные, взлохмаченные, задыхающиеся. Шеметов поглаживал ладонью бока и возмущался.

- Этакая гнусная привычка! Чуть что, сей-

час палец под девятое ребро, рад, что анатомию знает,- и пой ему: "Проклятый мир..." Да, может быть, я в этот момент совсем не расположен петь?

- Скоты этакие! Самому мне все брюхо разворочали! - сказал Митрыч.

- Ну, ребята, довольно возиться! - объявил Шеметов.- Нужно купаться. Чур, не брызгаться...- Он вздохнул.- Только у меня что-то уж и охота прошла в воду лезть.

- А раньше большая охота была! - засмеялся Вегнер.

- Молчи ты, плюгаш паршивый! Предатель! Я с тобою и разговаривать не хочу... Владимир Николаевич,- обратился он к Токареву,- пойдете в купальню, как полагается приличным людям.

Он взял Токарева под руку и важно прошел с ним в купальню.

- Ишь, всю купальню замочили! Порядочному человеку и выкупаться нельзя!

- Ну, вправду, ребята, чур, не брызгаться! Будет! - сказал Борисоглебский.

Вегнер и Сергей поплыли на ту сторону пруда. Митрыч три раза окунулся в купальне

и вылез в пруд.

- У-у, пес твою голову отверти! Хорошо!

Он в восторге гоготал, подпрыгивал и окунался до плеч. Токарев тоже влез в воду. Только Шеметов стоял, опираясь о перекладину купальни, и болтал ногою в воде. Он ворчливо говорил:

- Ключи у вас здесь какие-то бьют на дне, что ли? Вода какая холодная!

- Лезь, Сашка, а то опять обрызгаю! - крикнул с того берега Сергей.

- Я тебе "обрызгаю"! - погрозился Шеметов и вздохнул.- Нет, ей-богу, я нахожу это прямо безнравственным: зачем я буду насиловать свое тело? Я и без того прозяб, инстинкт тянет меня согреться, а какой-то нелепый долг повелевает лезть в холодную воду.

Митрыч стоял по грудь в воде и мылил голову. Шеметов встрепенулся, тихонько соскользнул в купальню и исчез под водою.

- У-у-уй!!! - завопил Митрыч и шарахнулся к берегу.

Из воды вынырнуло смеющееся лицо Шеметова.

- Ну, брат, напугал ты меня! Я думал - рак!

- "Ра-ак..." Будешь ты вперед "Проклятый мир" заставлять меня петь?

Сергей крикнул:

- Ну, ребята, одевайся! Скорей! А то поздно будет!

Они оделись и пошли к Дому.

На широкой каменной террасе, заросшей диким плющом, кипел самовар. Все уж пили чай. Конкордия Сергеевна растирала деревянной ложкою горчицу в глиняной миске.

Катя выставила из-за самовара свое розовое молодое лицо и лукаво спросила:

- Какую это вы, Шеметов, песню пели на берегу?

Шеметов вздохнул:

- Это мы с Митрычем спевались. Дуэт из "Демона". Он Демона пел, а я Тамару,- томно сказал он.- А что, хорошо? Производит эстетическое впечатление?

- Прелестно! Производит...

- То-то! - проворчал Шеметов.- А вы думали, что только вы способны доставлять эстетическое наслаждение, разыгрывая своих Шопенгауэров?

Катя расхохоталась и в восторге забила в

ладоши. Варвара Васильевна невинно спросила:

- А это хороший композитор - Шопенгауэр?

- Он Шопена хотел сказать! - засмеялась

Катя. И все засмеялись. Шеметов презрительно оглядывал их.

- Смеются!.. Как будто композиторы бывают только в области музыки!

- А где ж они еще бывают? - спросил Вегнер.

- Где! Да хоть в философии. Среди твоих немцев есть целый ряд философов-композиторов, - например, тот же Шопенгауэр, Ницше... Платон...

- Да Платон вовсе не немец.

- Поэтому я об нем и не говорю. Вот еще - Фихте...

- Ну, ну, припомни, каких ты еще философов слышал, - засмеялся Сергей. Вали: Гегель, Лейбниц, Шеллинг, Кант...

Шеметов сердито ответил:

- Нет, они были сухими рационалистами. В них не было этого... порыва, экстаза, что ли...

- Какой нахал! - вздохнул Вегнер.

- А каким голосом говорит свирепым, как

будто хочет смертоубийство совершить? - воскликнула Варвара Васильевна.

- Я самым обыкновенным голосом говорю.

- Да, обыкновенным! - сказала Катя.- Мама, смотри, он тебе голову скусит! Налей ему поскорее чаю, умилостивь его!

- А, чтоб вас бог любил! - смеялась Конкордия Сергеевна, разливая в стаканы чай.

Все усердно ели и пили. Пришел Василий Васильевич, загорелый старик в больших сапогах и парусиновом пиджаке. Конкордия Сергеевна налила ему чай в большую, фарфоровую кружку с золотыми инициалами. Василий Васильевич стал пить, не выпуская из рук черешневого мундштука с дымящеюся папиросою. Он молча слушал разговоры, и под его седыми усами пробегала легкая, скрытая усмешка.

Таня встала.

- Ну, господа, напились? Пойдемте!

- Идем!

V

Быстрым шагом они шли по дороге среди ржи. Солнце садилось в багровые тучи. Небо было покрыто тяжелыми, лохматыми облака-

ми, на юге стояла синеватая муть.

Безветренный, неподвижный воздух как будто замер в могильной тишине.

Сергей, с странным, нервным блеском в глазах, радостно потер руки.

- Гроза будет! Чувается в воздухе!

- Господа, пойдёмте подальше! - оживлённо сказала Таня.- Ведите, Сергей Васильевич!.. Да поскорее, господа, что так медленно?

Катя засмеялась:

- Медленно! И так почти бежим.

- Правда; гроза будет? - встрепенулась Темпераментова.- Так тогда лучше воротиться, захватить калоши; а то все утонем.

Шеметов проворчал:

- От утопления калоши не могут спасти.

Ольга Петровна радостно засмеялась и поправилась:

- Не от утопления, а чтоб ноги не промочить.

Митрыч неуклюже шагал по пыли своими большими сапогами. Слегка заикаясь, он заговорил:

- Не только не спасут калоши, а в них и топиться ходят. У нас в селе, где мой батька пса-

ломщиком служил, был поп, у него сын, в семинарии учился со мною. Смирный был мальчишка, того... Скромный. Ну, ладно. Вот раз попал он в компании на ярмарку,- то, другое, и напился вдрызг, до риз положения; не знает, как домой попал. Утром проснулся - голова трещит, лохма-тый; лежит и стонет: "Олёна, а Олёна! Подай мои колоши!.." У нас там, в Олонецкой губернии, на о говорят. Вышел на двор, вцепился в волосы... "О, позор, позор!.. Где мои колоши? Пойду утоплюся!.."

Катя вдруг воскликнула:

- Господа, посмотрите, что наверху делается!

Тучи - низкие, причудливо-лохматые - горели по всему небу яркими красками. Над головою тянулось большое, расплывающееся по краям, облако ярко-красного цвета, далеко на востоке нежно розовели круглые облачка, а их перерезывала черно-лиловая гряда туч. Облако над головою все краснело, как будто наливалось кроваво-красным светом. Небо, покрытое странными, клубящимися тучами, выглядело необычно и грозно.

- Смотрите, господа, смотрите, какое у Мит-

рыча красное лицо,засмеялась КатяГ

- Да у вас еще краснее,- возразил Шеметов.

- У всех, у всех! Господа, посмотрите друг на друга! И дорога! и всё!

Лица были алы, дорога и рожь казались облитыми, кровью, а зелень пырея на межах выглядела еще зеленее и ярче. На юге темно-ло, по ржи изредка проносилась быстрая нервная рябь. Потянуло прохладой, груди бодро дышали.

- Вперед, господа, вперед! - торопила Таня.- Эх, славно!

Они шли как раз навстречу надвигавшимся с юга тучам. Там поблескивала молния, и слышалось глухое ворчание грома. Облако над головою сузилось, вытянулось и стало лиловым. Все облака наверху стали темнеть.

Варвара Васильевна сказала:

- А там-то какая идиллия, посмотрите! На севере, на бирюзово-синем небе, белели легкие облачка, все там было так тихо, мирно и спокойно...

- Туда посмотреть и потом сразу обернуться сюда - совсем два различных мира.

Далеко на дороге взвилось большое облако

пыли и окутало серевшие над рожью крыши деревни. Видно было, как на горе вдруг забилась старая лозина. Ветер рванул, по ржи побежали большие, раскатистые волны. И опять все стихло. Только слышалось мирное чириканье птичек. Вдали протяжно свистнула иволга.

- Господа, не присядем ли мы здесь на минутку? - сказала Ольга Петровна.

У перекрестка дороги шел углом невысокий вал, отгораживавший мужицкие конопляники. По ту сторону дороги высился запущенный сад, сквозь плетень виднелись заросшие дорожки и куртины.

Таня враждебно оглядела Темпераментову.

- Ну, вот еще!.. Дальше, господа, дальше пойдём!

Токарев решительно сказал:

- Нет, я тоже устал, присядем.

- Ну, что ж, присядем,- согласилась Варвара Васильевна.

Ольга Петровна, Катя и Вегнер устало опустились на вал.

- Погодите, давайте тогда большинством голосов решим,- предложила Таня.

Токарев возмутился.

- Я решительно не понимаю, как такие вещи можно решать большинством голосов! Я удивляюсь, у тебя нет самого элементарного чувства товарищества. Многие устали, не могут идти, а ты хочешь большинством голосов заставить их тащиться за собою.

- Да о чем тут говорить? Отдохнем немного, того... покурим, и пойдем дальше,- примири-тельно произнес Митрыч и сел.

И все сели. Таня презрительно повела головою.

- Эх вы, ползучие люди!

Она продолжала стоять и жадно глядела в надвигавшиеся тучи.

Черно-синие, тяжелые, они медленно нарастали, поблескивая молниями. Гром доносился уже совсем явственно; за полверсты, на склоне горы, вдруг бешено забилась и зашумела роща, и этот шум было странно слышать рядом с неподвижным, молчащим садом. Вскоре заревел и он; деревья заметались, сверкая изнанкою листьев.

Сергей продекламировал:

Ночь будет страшная, и буря будет злая.

Сольются в мрак и гул и небо и земля...*

Токарев удивился.

- Сергей Васильевич, вы знаете Фета?

* Из стихотворения А. А. Фета "Приметы"
(1854-1855).

Удивился и Сергей.

- А почему бы мне его не знать? Очень даже его люблю!

- Сережа, прочти все стихотворение! - коротко сказала Варвара Васильевна, подперев подбородок и глядя вдаль.

Таня стояла и жадно дышала бодрым, прохладным ветром.

- Господи, я положительно этого не могу понять!.. Тут настоящая, живая гроза идет, а они сидят и стихи читают про грозу!.. А ну вас! Шеметов, пойдите вперед! Мы воротимся.

- Идем! - Шеметов вскочил.

- А, черт! Я тоже с вами! Чего тут киснуть? - Сергей тоже вскочил.

Они втроем пошли по дороге навстречу ветру. На юге сверкали яркие зигзаги молний, гром доносился громко, но довольно долго спустя после молний. Далеко на дороге, на

свинцовом фоне неба бился под ветром легкий светло-желтый шарф на голове Тани и ярко пестрели красная и синяя рубашки Сергея и Шеметова.

Митрыч лежал на животе и жевал сухую былинку.

- А гроза-то замешкается! - лениво сказал он.

Тучи, действительно, как будто остановились, ветер упал. Наверху вяло двигались клочков-ые облака - серые, бессильные. Наступила тишина - природа словно подозрительно прислуши-валась. Потом вдруг все оживилось. Птицы беззаботно зачирикали.

Варвара Васильевна глядела на неподвижные тучи.

- Господи, да ведь они вправду остановились!

- А те-то, несчастные! - засмеялась Катя. - Смотрите: стоят и ждут!

Митрыч зычно крикнул: - Эй-эй, ребята! Спектакль отложен, ворочайтесь!

Прошло пять минут, десять. Воздух и небо были неподвижны. Таня, Сергей и Шеметов повернули назад.

- А что, хорошая гроза? - спросила Катя.

Шеметов повалился на траву.

- О позор, позор! Где мои колоши? Пойду, утоплюся!

- Ну, свалился! - возмутилась Таня. - Вставайте же, господа, пойдемте, наконец! Неужели еще не отдохнули?

Встали и пошли дальше. Темнело. Тучи на юге висели неподвижно, помигивая молниями. Дорога, обогнув овсы, шла в густой Давыдовский лес.

Варвара Васильевна заговорила:

- Эх, славная вещь гроза! Люблю ее! Странное она производит впечатление; она так подни-мает, в ней есть что-то такое уверенное, несомненное и творческое... Кажется, - здесь, под грозой, не может быть никаких раздумий и колебаний; все, что будешь делать, будет хорошо нужно и будет как раз то, что и следовало делать. А как это хорошо, - действовать, не раздумывая, когда тебя подхватит и понесет вперед большая, могучая сила!..

- Оно так теперь и есть, - сказала Таня.

Варвара Васильевна помолчала.

- Где же оно есть? Так, на минуту, нам по-

казалось было, что что-то есть. Но это оказалось миражом. Опять все замутилось, опять темно; всё по-обычному мелко, вяло и слабо. И нет, нет того революционного прилива, который бы подхватил людей целиком, нет бодрящего воздуха, в котором бы и слабые крепки, и падали бы сомнения, и рос бы дух. Дорога была найдена, но она оказалась книжной. Таня воскликнула:

- Господи, "книжной"?.. Варя, вы, значит, совсем слепы, вы ничего не видите кругом!

- Я все, мне кажется, вижу. Робкие, слабые намеки на что-то... Помнится, Достоевский говорит о вечном русском "скитальце"-интеллекте и его драме. Недавно казалось, что вопрос, наконец, решен, скиталец перестает быть скитальцем, с низов навстречу ему поднимается огромная стихия. Но разве это так? Конечно, сравнительно с прежним есть разница, но разница очень небольшая: мы по-прежнему остаемся царями в области идеалов и бесприютными скитальцами в жизни.

Сергей раздраженно пожал плечами.

- Что ты такое городишь? Я решительно ничего не понимаю! - Лицо его, с тех пор как

они с Таней и Шеметовым воротились к перекрестку, было злое и серое.

- Я говорю, что у нас все хорошо и стройно только в теории. Вот мы идем вместе и разговариваем - люди всё благомыслящие и единомыслящие. Наши идеалы велики и светлы, мы горды собою и своим мирозерцанием. Но столкнешься с жизнью,- и все это тускнеет, и все становится таким маленьким и жалким по своей беспочвенности... И жизнь говорит: ты горда собою, и горда по праву, и как ты можешь поступаться всею полнотою и правдою твоих идеалов? Но вместе с этим,- а может быть, как раз вследствие этого,- ты слепа и неумела, и жизнь тебя отметаёт... Иногда мне почти кажется, что я слышу прежнее страшное: не суйся!..

Таня хотела возразить, но Варвара Васильевна продолжала:

- И вот возникают вопросы: идти на два или на десять шагов впереди стихийного движения? В какой степени созрело революционное сознание рабочего класса? Сами эти вопросы подлы, подлы по самой сути, они оскорбительны для меня и ставят меня в

фальшивое положение: я не могу отречься от самой себя. Но то - могучее, стихийное, оно меня не признаёт, а во мне нет силы, я - ничто, если не захочу признать этого стихийного и его стихийности.

- Черт знает, что такое! - возмутилась Татьяна. - Вот так вопросы! На два, на десять шагов вперед! Что мне за дело до этого? Я хочу идти полным шагом, и плевать мне на все и на всех. Кто отстанет, - догоняй, а этак, как начнут все один к другому принаравливаться, то все и будут топтаться на месте!

Сергей в восторге воскликнул:

- Bravo, Татьяна Николаевна! Вот! Вот это самое и есть! Всё стихийность, стихийность... Еще новый бог какой-то, перед которым извольте преклоняться! На себя нужно рассчитывать, а не на стихийность! Стану я себя отрицать, как же! Черта с два!.. Смелее нужно быть, нужно идти на свой собственный риск и полагаться на собственные силы, - только! Будь она проклята, эта стихийность!

- Верно, верно! - согласился и Борисоглебский. - Что она мне за указ, стихийность эта? Злость у меня тут есть здоровенная, - он уда-

рил себя кулаком в грудь,- ну и ладно. Больше мне ничего не нужно!

Шеметов ворчливо возразил:

- Ну, и тешьтесь в таком случае бирюлька-ми, гарцуйте со своею злостью в безвоздушном пространстве! А я не понимаю и не признаю, что подлого в тех вопросах, о которых говорит Варвара Васильевна. Да, весь вопрос именно в том,- на два или на десять шагов вперед? Для меня стихийность только и дорога; самый важный, самый главный вопрос,- как к ней примк-нуть. А вы кучка гарцующих,- и будете себе гарцевать, пока совершенно независимо от вас к вам подойдут низы... Вы сколько уж времени,- тридцать, сорок лет гарцуете с вашею полнотою революционных идеалов?..

Они шли теперь по лесной поляне, среди леса. Вокруг поляны теснились темные, кудрявые дубы, от них поляна имела спокойный и серьезный вид. Тучи на юге все росли и темнели, но ветру не было, и стояла глухая тишина.

Токарев молча шел и задумчиво слушал. На душе было тяжело: все спорили горячо и

страст-но, вопросы спора, видимо, имели для них жизненный, кровный интерес. Он старался и себя наст-роить на такой лад, но мысль оставалась холодной, и он чувствовал себя чуждым и посторонним.

Подошел Сергей и сказал:

- Люблю я эти споры! Мысль жива - работает и ищет... А как несколько-то лет назад: все вопросы решены, все распределено по ящичкам, на ящички наклеены марксистские ярлыки. Сиди да любуйся. Ведь это - гибель для учения, смерть!.. Только и оставалось что спорить с народни-ками; друг с другом не о чем было и говорить...

- А что, господа, кобылка тут не пробегала?

- Фу, черт!..- Сергей нервно отскочил в сторону.

В сумерках стоял сторбленный мужик с растерянным лицом, в накинутом на плечи зипуне.

- Вот испугал-то! - Сергей улыбнулся, стыдясь за свой испуг.- Какая кобылка?

- Пегая кобылка, сбегла с ночного,- что с нею подеялось!.. Не иначе, как по этой дороге побегла... Горе какое!

- Нет, тут не видно было,- сказала Варвара Васильевна.

- Э-эх! - старик почесал в волосах.- Главное дело, конь-то молодой, дороги домой не знает, только на Казанскую куплен...

Шеметов сердито говорил:

- Возмутительнее всего эти инсинуации, на которых вы выезжаете! Спор тут вовсе не о принципе, а только о факте. Как обстоит дело? По-вашему? Наш рабочий класс действительно уже горит ярким, сознательным революционным огнем? Действительно, он сознал, кто его классовые и политические враги? Ну, и слава богу, это - самое лучшее, чего и мы хотим. Но только суть-то в том, что вы ошибаетесь.

Они пошли дальше, Варвара Васильевна осталась стоять с мужиком. Таня возражала:

- Тут весь вопрос именно в принципе. Вопрос в этом оппортунизме, "практичности", довольстве малым...

- Кто проповедует ваше довольство? - грубо спросил Шеметов и вдруг остановился. Он поднял брови и, словно что вспомнив, оглянулся назад.- Что это он про кобылу-то гово-

рил?.. Черт знает, что такое! Идут девять здоровенных молодцов, судьбы революции решают... Пойдемте, поможем ему!

- Пойдемте, господа! - убеждающе сказала Варвара Васильевна.

Сергей встряхнулся.

- Идем!.. Эй, дядя! Какая, говоришь, кобылка твоя? Пегая?

- Пегая, батюшка, пегая... Я чего боюсь-то? Ночь подходит, непогода, а в лесу у нас тут волки - задерут лошадь.

- Говоришь, в эту сторону побежала?

- В эту, в эту!

- Ну, ладно. Ты сам откуда,- дернопольский? Так ступай, мы тебе приведем кобылку твою.

- Самоуверенно! - засмеялась Варвара Васильевна.

Мужик обрадовался.

- Подсобить хотите? Ну, дай вам бог... Пойдемте! Уж больно трудно одному-то!

- Пойдем, ребята, большим кругом в эту сторону,- сказал Сергей.- Чур, перекликаться! Сходиться у мостика в лоцинке, перед сторожкой.

Все разбрелись по лесу. Лес зазвенел смехом и криками. На западе было еще светло, но кругом становилось все темнее. Среди полной тишины тучи на юге росли медленно и уверенно. Токарев продирался сквозь чащу орешника, оступаясь о пеньки и бурелом. Слева раздались крики и смех Шеметова и Митрича.

- Нашли-и-и!..- донесся справа голос Сергея.

- Нашли? - крикнул слева Шеметов.

- Нашли вы?

- Мы-то не нашли, а ты нашел?

- Нет, не нашел.

- Чего же ты кричишь, "нашли"?

- Я вас спрашивал!

- Дурак!..

Лес вдали глухо зашумел. По вершинам деревьев бурным порывом пронесся ветер. Токарев шел вперед и старался не сбиться с направления. Сначала он усердно глядел по сторонам, потом перестал и шел лениво, постукивая тросточкою по стволам. Крики и ауканья становились все отдаленнее.

Токарев подумал: еще заблудишься тут!.. Лес выл и шумел под налетавшим вихрем.

Желтые листья и сучки падали на землю. Вдали глухо рокотал гром.

Чаща стала светлеть. Токарев вышел на край какой-то лощинки. Внизу вился болотистый ручей, заросший осокою. Квакали лягушки. По косогору шла дорога и виднелся мостик. Этот, что ли?..

По дороге усталою походкою спускались Варвара Васильевна и Ольга Петровна. Токарев направился к ним.

- Не нашли?

- Нет. Нужно будет дальше идти. Только подождем, чтоб все собрались... Ау-уу!!.

Вдали откликнулись. Ветер буйно выл по лесу, глухой шум деревьев то рос, то ослабевал, и по глухому шуму струями проносилось резкое шипенье ближних деревьев. Подошли еще Вегнер и Катя, потом Борисоглебский.

Вдруг ярко блеснула молния, небо как будто растрескалось и с оглушительным грохотом посыпалось на землю. Из кустов неслышно вышел Шеметов. Он кивнул на небо и сказал:

- "Отец, слышишь, рубит, а я отвожу!"*

* Из стихотворения Н. А. Некрасова "Кре-

стьянские дети" (1861).

- Не нашли лошадь?

- Черт ее найдет! - проворчал Шеметов и сел на мостик.

Молнии ярко-белыми стрелами сыпались на лес, гром яростно катился по небу из конца в конец, лес ревел и бился. На юге было жутко темно. Ольга Петровна стояла с бледною улыбкою и старалась побороть страх.

На косогоре, среди дубовых кустов, появился Сергей. Молния ярко осветила его кумачовую рубашку. В бешеном восторге он кричал:

- Го-го-го-го!.. Слышите, ребята! Вон как гремит!.. Варька, слышишь?!

Ветер рвал на нем рубашку, лицо было безумное и восторженное.

- Позор всем слабым и малодушным! Позор тем, кто перед лицом грозы отрицает идущую грозу!.. Идет она, идет! Видите вы ее теперь - вы, робкие, сомневающиеся?.. Пришла жизнь, пришла борьба и простор! Слава буре!..

- Го-го-го-го! - раздался из чащи голос Тани.

- Татьяна Николаевна, сюда! Наша взяла! Пришла гроза!.. Слава борцам, слава всем друзьям грозы!

Таня, в развевающейся юбке, быстро спустилась к мостику. Она упоенно дышала ветром, глаза блестели. Поспешно она спросила:

- Ну что, не нашли?

- Нет.

- Так чего ж вы сидите? Пойдемте дальше!.. Правда, как хорошо? - с счастливою улыбкою обратилась она к Токареву.

Токарев молча кивнул головою, хотя находил, что кругом становится довольно-таки неуютно.

- Ну, идем, господа! Вставайте! - торопила Таня.

Шеметов проворчал:

- Экая неугомонная! Куда вставать-то? Очевидно, лошадь украли и увели. Станет вас конокрад ждать!

- Ну, все-таки поищем еще! - сказала Варвара Васильевна.- Очень уж мужика жалко.

- Наверное, кобылка сама уж домой пришла,- заметил Борисоглебский.

- А что найти-то, конечно, уж не найдем теперь,- согласился Сергей.

- "Позор всем сомневающимся и малодушным!" - иронически повторила его слова Вар-

вара Васильевна.

- Э, черт! Верно, пойдём дальше!.. Что за позор! Бабы нас ведут вперед.

По дороге забили первые крупные капли дождя. Варвара Васильевна украдкой внимательно посмотрела на Токарева и сказала:

- Только вот что: зачем всем идти? Многие устали. Тут сейчас за бугром сторожка, можно зайти отдохнуть; тем более - дождь начинается.

- Господа, да зайдите все! - заговорил Токарев.- Ну что за охота мокнуть под дождем! Пройдет дождь, тогда и пойдём опять искать.

Таня ядовито возразила:

- А тогда ты скажешь, что мокро, ноги промочишь.

Токарев нахмурился и замолчал.

- Пойдемте, я вас проведу в сторожку,- предложила Варвара Васильевна.

- Ну, господа, а мы пойдём дальше,- сказала Таня.

- Го-го-го! На вынос возьмем гору! - крикнул Сергей. Он, Шеметов и Митрыч вместе с Танею быстро взбежали на косогор.

Вегнер с завистью глядел вслед убежав-

ШИМ.

- Нет, я отдохну, устал.

Варвара Васильевна провела Токарева, Катю, Вегнера и Ольгу Петровну к лесной сторожке. К ним навстречу вышел лесник - худощавый, с красным носом, в пиджаке. Варвара Васильевна сказала:

- Ну, прощайте пока!

- Варвара Васильевна, да передохните же и вы! - возмутился Токарев.- Вы бледны как полотно,- видимо, вы страшно устали!

- Э, пустяки! Это так кажется!

Она исчезла в темноте. Токарев обратился к леснику:

- А что, любезный, хорошо бы самоварчик поставить; найдется у вас?

- Найдется, помилуйте!.. Сейчас поставим. А мы за то винца потом выпьем за ваше здоровье.

Резко блеснула молния. Как пушечный залп, прокатился гром. Дождь хлынул. Он шуршал по соломенной крыше, журчащими ручьями сбегал на землю. Из черного леса широко потянуло свежою, сырою прохладой.

В сторожку постучались. Вошел мужик, у

которого убежала лошадь. Вода струилась по его шапке, лицу и зипуну. Катя спросила:

- Не нашли?

- Нет, барышня! Уж и в деревню сбегал, не воротилась ли... Нету!

Он устало опустил на лавку. Подали самовар, стали пить чай. Тараканы бегали по стенам, в щели трещал сверчок, на печи ровно дышали спящие ребята. Гром гремел теперь глуше, молнии вспыхивали синим светом, дождь продолжал лить.

Пришли Сергей и Шеметов. С обеих вода лила ручьями, на сапогах налипли кучи грязи, оба были злы. Сергей сказал:

- Нет, Татьяна Николаевна - это, действительно, ненормальный человек. Уж Варя и та созналась, что невозможно найти; а она: "А я все-таки найду!"

Шеметов сердито засмеялся.

- Нет, ведь правда, нелепо! В двух шагах ничего не видно - по такому лесищу ищи лошадь ощупью!.. И Митрыча несчастного запрягла, кряхтит, а прет за нею следом.

Пришла и Варвара Васильевна. Было уже двенадцать часов. Молча пили чай, разговор

не вязался. Все были вялы и думали о том, что по грязи, мокроте и холоду придется тащить-ся домой верст восемь. Варвара Васильевна, бледная, бодрилась и старалась скрыть прохватывавшую ее дрожь. Сергей и Шеметов сидели в облипших рубашках, взлохмаченные и хмурые, как мокрые петухи.

За темными окнами могуче загудел бас Митрыча:

- Эй, ребята! Вы здесь?.. Выходите встречать, нашли!

Все бросились к выходу. В темноте белела лошадь. Митрыч держал ее за оброть. Таня, бодрая, оживленная, вбежала в сени.

- А что? Нашла? - торжествующе обратилась она к Сергею и Шеметову.- Я говорила, что найду!

Сергей развел руками и низко склонил голову.

- Преклоняюсь!

Таня сияла детской, смешной гордостью.

- Ну, и молодец же вы, Таня! - радостно воскликнула Варвара Васильевна.

Мужик кланялся.

- Уж вот, барышня, спасибо вам! Век за вас

буду бога молить! Пошли вам господь доброго здоровья!

- И ведь как все вышло! - рассказывала Таня.- Идем,- что-то в стороне белеет. Митрыч говорит: река!.. Все-таки свернули. А это она! Стоит на полянке и щиплет траву.

Мужик взял из рук Митрыча оброть и радостно повторял:

- Нашли, нашли!

Таня и Митрыч выпили остывшего чая. Токарев расплатился с лесником. Двинулись в обратный путь.

Усталые и продрогшие, все вяло тащились по расклизшей, грязной дороге. На севере громоздились уходившие тучи и глухо грохотал гром. Над лесом, среди прозрачно-белых тучек, плыл убывавший месяц. Было сыро и холодно, восток светлел.

Лес остался назади. Митрыч и Шеметов стали напевать "Отречемся от старого мира!"...* Пошли ровным шагом, в ногу. Так идти оказалось легче. От ходьбы постепенно размялись, опять раздались шутки, смех.

* Начало русской революционной песни на мотив французской "Марсельезы". Слова П.

Л. Лаврова.

Когда пришли в Изворовку, солнце уже встало. Сергей и Катя обыскали буфет, нашли холодные яйца всмятку и полкувшина молока. Все жадно принялись есть. В свете солнечного утра лица выглядели серыми и помятыми, глаза странно блестели.

Варвара Васильевна, уходившая к себе в комнату, воротилась радостная и оживленная, с распечатанным письмом в руке.

- Владимир Николаевич, вы помните по Петербургу Тимофея Балугева?

- Как же! - ответил Токарев.

- Он пишет, что из ссылки едет в Екатеринбург и по дороге от поезда до поезда заедет ко мне в Томилинск. Шестого августа, на Преображение. Хотите его видеть?

- Конечно!

Таня спросила:

- Кто это?

- Рабочий, слесарь. Замечательно хороший человек,- сказала Варвара Васильевна.

У Тани загорелись глаза.

- Я тоже хочу его увидеть.

- Да всем, всем нужно его повидать,- решил Сергей.- Хоть у Вари все люди - замеча-тельно хорошие люди, а все-таки интересно.

- Ну, а теперь спать! - объявила Варвара Васильевна.- Еле на ногах стою.

VI

Назавтра Шеметов, Борисоглебский, Вегнер и Ольга Петровна уехали в Томилинск. Таня осталась погостить еще.

Жизнь теперь потекла более спокойная. Токарев по-прежнему наслаждался погодой и деревенским привольем. Отношения его с Варварой Васильевной были как будто очень дружествен-ные. Но, когда они разговаривали наедине, им было неловко смотреть друг дру-гу в глаза. То, давнишнее, петербургское, что разделило их, стеною стояло между ними, они не могли перешаг-нуть через эту стену и сделать отношения простыми. А между тем Варвара Васильевна станови-лась Токареву опять все милее.

Дни шли. Варвара Васильевна с утра до ве-чера пропадала в окрестных деревнях, лечи-ла мужиков, принимала их на дому с черного хода. Сергей ушел в книги. Таня тоже много

читала, но начинала скучать.

Токареву она нравилась все меньше. Его поражало, до чего она узка и одностороння. С нею можно было говорить только о революции, все остальное ей было скучно, чуждо и представлялось пустяками. Поведение Тани, ее манера держаться также возмущали Токарева. Она совершенно не считалась с окружающими; Конкордия Сергеевна, например, с трудом могла скрывать свою антипатию к ней, а Таня на это не обращала никакого внимания. Вообще, как заметил Токарев, Таня возбуждала к себе в людях либо резко-враждебное, либо уж горячосочувственное, почти восторженное отношение; и он сравнивал ее с Варварой Васильевной, которая всем, даже самым чуждым ей по складу людям, умела внушать к себе мягкую любовь и уважение.

Пятого августа Варвара Васильевна, Токарев, Таня, Сергей и Катя отправились в Томлинск, чтоб повидать проезжего гостя Варвары Васильевны.

Они сел и в поезд. Дали третий звонок. Поезд свистнул и стал двигаться. Начальник станции, с толстым, бородатым лицом, что-то

сердито кричал сторожу и указывал пальцем на конец платформы. Там сидели и лежали среди узлов человек десять мужиков, в лаптях и пыльных зипунах. Сторож, с злым лицом, подбежал к ним, что-то крикнул и вдруг, размахнув ногою, силь-но ударил сапогом лежавшего на узле старика. Мужики испуганно вскочили и стали поспешно собирать узлы.

- Господи, да что же это такое?! - воскликнула Таня.

Поезд уходил. Таня и Токарев высунулись из окна. Мужики сбегали с платформы. Сторож, размахнувшись, ударил одного из них кулаком по шее. Мужик втянул голову в плечи и побежал быстрее. Изогнувшийся дугою поезд закрыл станцию.

Подошла Варвара Васильевна, бледная, с трясущимися губами.

- За что это? Что там случилось?

Токарев, тоже бледный и возмущенный, ответил:

- Не знаю.

Сидевший рядом мастеровой объяснил:

- Что случилось!.. Значит, улеглись мужички на неуказанное место. Ну, их покорнейше

и попросили посторониться.

Варвара Васильевна, прикусив губу, ушла на свое место. Таня стояла, злобно нахмурившись, и молча смотрела в окно. Токарев вздохнул:

- Да, легко все это у нас делается!

- И поделом им, сами виноваты! Господи, их бьют, а они только подставляют шеи и бегут... О, эти мужики!

В глазах Тани была такая ненависть, такое беспощадное презрение к этим избитым людям, что она стала противна Токареву. Он отвернулся; в душе шевельнулась глухая вражда, почти страх к чему-то дико-стихийному и чуждому, что насквозь проникало все существо Тани.

- Ну, черт с ними, стоит еще об них говорить! - Таня передернула плечами и снова стала смотреть в окно.

Заря догорала. Поезд гремел и колыхался. В душном, накуренном вагоне было темно, стоял громкий говор, смех и песни.

Таня сказала:

- Да, Володя, вот что! Как хочешь, а нужно будет в Томилинке предпринять еще что-ни-

будь, чтоб Варя уехала отсюда.

Токарев махнул рукою.

- Ну, пошло!.. Я не понимаю, чего ты берешь на себя какую-то опеку над Варварой Васи-льевой.

- Да неужели же ты не видишь, что с нею делается? Ведь положительно живьем разрушается человек: какое-то колебание, сомнение во всем, полное неверие в себя... Очевидно, ее деятельность ее не удовлетворяет.

Токарев пожал плечами.

- Откуда это очевидно? Я не говорю про Варвару Васильевну, я ее слишком мало знаю,- но, вообще говоря, человек может не верить в себя совсем по другим причинам. Он может призна-вать данную деятельность самую высокою и нужною, и все-таки не верить в себя... Ну, хотя бы просто потому, что чувствует себя не в силах отдаться этой деятельности,- произнес он с усилием.

Таня удивилась.

- Как это так? Деятельность самая высокая и нужная,- и не можешь ей отдаться! Очевидно, значит, есть другая деятельность, более высокая и более нужная.

- Таня, меня прямо поражает, до чего ты узко смотришь! Возьмем какую угодно деятельность. Пусть она будет самая высокая, самая нужная,- все, что хочешь. Да только нет у меня сил отдаться ей.

- Очевидно, значит, ты не совсем веришь в нее.

- Ну, слушай, Таня! Поставим вопрос грубо, карикатурно. Скажем, я страстно люблю шампанское, устрицы. Умом я вполне понимаю, что есть дела несравненно выше уничтожения устриц и шампанского, да меня-то больше тянет к устрицам и шампанскому.

- Тогда нечего и ломать себя: пей шампанское и ешь устрицы.

Подошел Сергей и молча сел около них на ручку скамейки. Токарев спросил:

- Так что, если бы тебя больше всего тянуло к такой "деятельности", то ты со спокойною душою и отдалась бы ей?

- По-моему, это ужасно скучно; но, если бы тянуло,- конечно, отдалась бы.

- Господи, до чего все это эгоистично! - возмутился Токарев.- Ну, где же, где же у тебя хоть какой-нибудь нравственный регулятор,

хоть какой-нибудь критерий? Сегодня скучно жить для себя, завтра станет скучно жить для других. Неужели ты не понимаешь, сколько в этом эгоизма? Что хочется, то и делай!.. Тебе даже совершенно непонятно, что могут быть люди, которые считают своим долгом делать не то, что хочется, а что признают полезным, нужным для жизни.

Вмешался Сергей:

- Но вопрос в том,- насколько им это удастся? Я не понимаю, почему вы так возмущаетесь эгоизмом. Дай нам бог только одного - побольше именно эгоизма,- здорового, сильного, жадного до жизни. Это гораздо важнее, чем всякого рода "долг", который человек взваливает себе на плечи; взвалит - и идет, кряхтя и шатаясь. Пускай бы люди начали действовать из себя, свободно и без насады, не ломая и не насилуя своих склонностей. Тогда настала бы настоящая жизнь.

- Воображаю, какая бы настала жизнь! - сдержанно усмехнулся Токарев.

- Хорошая бы жизнь настала! И погиб бы безвозвратно ее главный враг скука. Потому что вот с чем эгоизм никогда не захочет при-

мириться - со скукою!

Токарев с улыбкою поднял брови.

- Скука... Вы серьезно думаете, что главный враг жизни - это, действительно, скука?

- Безусловно! Скука стОит всяких лишений, унижений, длинных рабочих дней и тому подобного... Скучно! Ведь от этого "скучно" люди сходят с ума и кончают с собою, это "скучно" накладывает свою иссушающую печать на целые исторические эпохи. Вырваться из жизненной скуки - вот самая главная задача современности. И суть не в том, чтоб человек вырвался из этой скуки, а чтоб люди вырвались из нее. А для этого что нужно? Нужно, чтоб вокруг ключом била живая общественность, чтоб жизнь целиком захватывала душу, чтоб эта жизнь была велика и сильна, полна борьбы и света... Вот что нужно, чтобы ощущал человек, а не необходимость какого-то "долга"... Долг! В соседстве с долгом сам воздух начинает скисаться и пахнуть плесе-нью.

Таня слушала с разгоревшимися глазами.

- Все это очень легко говорить...- начал Токарев, но в это время в вагоне поднялся шум

и крик.

Толстый господин, в грязном парусиновом пиджаке и сером картузике с блестящим козырьком, орал:

- Сволочь ты, негодяй!! Я отставной поручик Пыльского гренадерского полка, а ты мне смеешь "ты" говорить?.. Подлец!

Мастеровой в чуйке, с бледным, зеленоватым лицом, мирно было заговоривший с сердитым господином, в первую минуту опешил.

- Я тебя, мерзавца, сейчас велю высадить из поезда!.. Подлец, пьяница!..

Мастеровой медленно и громко протянул:

- Я думал, это пушки, а это - лягушки!

Кругом засмеялись.

- Молчать!!! - гаркнул толстый господин. - Дурак!

- Не бывал, брат, ты умным человеком, коли я дурак. Ишь ты какой! Ясный козырек нацепил себе и думает, - хозяин! Мне на твой ясный козырек наплевать!

- Ах-х ты, мерзавец! - возмутился про себя господин и высунулся из окна, как бы высматривая, скоро ли остановится поезд, чтоб позвать жандарма.

- Плюю я на твой ясный козырек, вот так: тьфу! - Мастеровой плюнул на пол.- Плюю и попираю ногами.

Рядом сидел подгородный мужик. Он с усмешкою сказал:

- Буде вам! Чем все ругаться, лучше прямо подраться!

- Верно! Мне нравится ваше слово! Я вас уважаю!.. А сказать что-нибудь против меня ясному козырьку энтому - не позволю! Не желаю молчать!.. Извините меня, пожалуйста! Прошу извинения!

Мужик зевнул.

- Тут колокольцов нету, звенеть не на чем.

Толстый господин подергивал головою и продолжал выглядывать в окно.

- Не желаю молчать! - волновался мастеровой.- Он меня растревожил, а я его не беспокоил!.. Слышь ты, козырек! Я сознаюсь, что ты - дурак! Понял ты это слово?

Поезд остановился у полустанка. Толстый господин поспешно вышел, через минуту воротился с жандармом. Указал на мастеравого и коротко сказал:

- Вот! Убери его!

Жандарм подошел к мастеровому и решительно взял его за рукав.

- Вставай!

Мастеровой оторопело глядел:

- Что такое? В чем дело?

- Но, но, вставай! Ничего!

- Да что вы? За что вы меня?

Таня вскипела.

- Послушайте, жандарм, за что вы его высасываете? Он ничего не делал!

- Мы все можем быть свидетелями,- прибавил Токарев.- Этот господин сам же первый начал. На весь вагон стал кричать и ругать его.

Грозно и выразительно толстый господин сказал жандарму:

- Я тебе заявляю, что он мне нанес оскорбление!

Токарев спокойно возразил:

- Все в вагоне слышали, что вы первый стали наносить ему оскорбления.

Токарев был одет чисто и прилично, гораздо приличнее толстого господина. Жандарм в нерешительности остановился.

- Жандарм! Я тебе повторяю: возьми его!..

Он пьян!

- Нет, я не пьян! Вы меня оскорбили, а я вас не тревожил!

Жандарм шепнул Токареву:

- Вы не извольте беспокоиться. Я его только в другой вагон переведу.

В приятном и спокойном ощущении силы, которую давал ему его приличный костюм, Токарев громко возразил:

- Да с какой стати? Мы вам все заявляем, что этот господин сам начал первый скандалить. Почему вы его не переводите?

- А то, может, ваше благородие, вы сами перейдете? почтительно-увещающим голосом обратился жандарм к толстому господину.

Господин грозно крикнул:

- Я тебе в последний раз повторяю: убери его!

Жандарм растерянно пожал плечами:

- Да ведь вот... Все свидетельствуют, что вы же сами начали.

- Ах та-ак!.. - зловеще протянул господин. Ну, хорошо, ступай!.. Хорошо, хорошо! Можешь идти! Мы это еще увидим! Ступай,

нечего!

Жандарм с извиняющимся лицом мялся на месте. Вагоны двинулись. Он соскочил на платформу.

- Тут еще скоро, пожалуй, изобьют тебя! - возмущенно сказал толстый господин, взял свой чемодан и пошел в другой вагон.

Торжествующий мастеровой стоял, пошатываясь, и смотрел ему вслед.

- Фью-у! - слабо свистнул он и махнул рукою вдогонку.- Нет, ей-богу, чудачок! - обратился он к Тане и лихо покрутил головою.- Молчи, говорит, дурак!.. А? Почему такое? Не желаю молчать!.. Благородного человека я уважаю всегда! А коли со мною поступают серьезно,- не могу терпеть! Такой уж характер у меня... строгий! Намедни мастер говорит нам: вот что, ребята! После Спаса за каждый прибор на две копейки меньше будем платить... Как так? Нет, я говорю, я не желаю!.. Мне не копейка нужна. Что копейка? Я на нее плюю! - Он достал затасканный кошелек, вынул пятиалтынный и бросил его наземь.- Вот! Не нужно мне, пускай тут лежит! А зачем он неправильно поступает? Не желаю, говорю,

уйду от вас, больше ничего!

- А вы где работаете?

- Мы-то? А вон за бугром здание пыхтит...

Мы - токари по металлу... Медь, свинец, железо - это у нас называется металл... По-нашему, по-мастеровому!

Поезд гремел и колыхался. В вагонах зажгли фонари. Таня сидела в уголке с мастером и оживленно беседовала. Мастером конфиденциально говорил:

- Я, милая моя барышня, желаю жить, чтоб было по-справедливому, чтоб обиды мне не было! Я этого не желаю терпеть - никогда! А за деньгами я не гонюсь... Я вот выпил,- и больше ничего!

Паровоз оглушительно и протяжно засвистел. В темноте замелькали огни томилинских пригородов. Все поднялись и стали собираться.

Поезд остановился. Затиснутые в сплошной толпе Токарев, Сергей, Варвара Васильевна и Катя вышли на подъезд.

- А где же Таня? - спохватилась Варвара Васильевна.

Сергей посмеивался:

- Она с мастеровым пошла.

- Да не может быть! - воскликнул Токарев.

- Верно! Я видел: он себе взвалил узелок на плечи, она рядом с ним. Прямо с платформы сошли, мимо вокзала.

У Токарева опустились руки.

- Черт знает что такое!

Он в колебании остановился посреди улицы. В стороны тянулись боковые улицы, заселенные мастеровщиною - черные, зловещие, без единого огонька.

- Нужно ее отыскать! Это положительно ненормальный человек: девушка, ночью, одна идет с пьяным, незнакомым человеком, сама не знает куда!

Сергей засмеялся:

- Ищи ветра в поле! Ей-богу, молодчина Татьяна Николаевна!

Они пришли к Варваре Васильевне. Подали самовар, сели пить чай. Сергей говорил:

- Нет, ей-богу, люблю Татьяну Николаевну! Это пролетарий до мозга костей! Никакие условности для нее не писаны, ничем она не связана, ничего ей не нужно...

Токарев угрюмо возразил:

- По-моему, это не пролетарий, а психически больной человек, и ей необходимо лечиться.

Таня пришла к двенадцати часам ночи - оживленная, радостная, с блестящими глазами. Токарев был так возмущен, что даже не стал ей ничего говорить, и сидел, молча, насупившийся и грустный. Таня не обращала на него внимания.

VII

Назавтра, к трем часам, Токарев и студенты пришли к Варваре Васильевне. Тимофей Балугев уже сидел у нее. Тани не было: она в одиннадцать часов ушла к своему вчерашнему знакомцу и еще не возвращалась.

Балугев, в черной блузе, с застегнутыми у кистей рукавами, сидел за столом, держал на расставленных пальцах блюдечко ипил чай вприкуску. Токарев радостно подошел.

- Ну, Тимофей Степаныч, здравствуйте! - Они обнялись и крепко, поцеловались три раза накрест.

- Не думал я, что и вас тут увижу! - сказал Балугев и в замешательстве провел большою рукою по густым волосам.

Сергей, Шеметов, Борисоглебский и Вегнер назвали себя и почтительно пожали его руку. Токарев глядел на загорелое, обросшее лицо Балужева.

- Как вы изменились! Встретил бы вас на улице - не узнал бы.

- Да... Да и я бы вас не признал:

- Что же, постарел?

- Пооблиняли как-то... На вид.

Варвара Васильевна сказала:

- Ну, садитесь, господа! Пейте чай, закусы-вайте!

Сели к столу. Токарев спросил:

- Вы куда же теперь направляетесь?

- В Екатеринослав еду. Там товарищи посулились на завод пристроить. Тут, значит, нужно было Варвару Васильевну повидать. А между прочим, вот и вас встретил... Ну, а вы как?

Он говорил не спеша, подняв брови, и внимательно глядел на Токарева своими маленькими глазами. Студенты и Катя украдкой приглядывались к Балужеву.

Разговор, как обыкновенно, вначале вязался плохо. Понемногу стал оживляться. Речь

зашла об одном из вопросов, горячо обсуждавшихся в последнее время в кружках и деливших единомысленных недавно людей на два резко враждебных лагеря. Токарев спросил Балуюева, слышал ли он об этом вопросе и как к нему относится.

- Как же, слышал. Книжки тоже кой-какие читал об этом...- Балуюев помолчал.- Думается мне, не с того конца вы подходите к делу. Оно гладко пишется в книжках, логически, а только книжка, знаете, она больше по верхам крутится, больно много сразу захватить хочет. Оно то, да не то выходит. Смотришь в книжку - вот какие вопросы. И в волосы из-за них вцепиться рад всяко-му. А кругом поглядишь - что такое? И вопросы другие, и совсем из-за другого ссориться надо.

Необычно тихим и смирным голосом Сергей возразил:

- Но, позвольте, ведь книжки основываются на той же жизни, на тех же жизненных фактах.

- Верно! "Факты"... Что такое факты? Я вот гляжу в окошко, вижу, лошадь упала, и говорю: тут дорога склизкая,- пожалуйста, не

спорьте со мнрю,- сам видал, как лошадь упала. А на дороге этой, может, пыли по щиколку, а лошадь потому упала, что нога подвернулась. Оно, видите ли, коли на факты в окошко смотреть, то и факты-то оказываются фальшивыми. А из этих фактов здоровеннейший гвоздь сделают да в голову его тебе и вгоняют... Намедни был я нелегаль-но в Питере, встретился с одним приятелем старым.- Ты, спрашивает, кто? - Я? (Под густыми усами Балужева мелькнула улыбка.) Али не узнал? Слесарь Тимофей! - Не-ет, я не о том. Ты человек каких взглядов? - Я, говорю... рабочий!

Все поспешили громко и дружно рассмеяться.

- Вот и ходит человек с гвоздем в голове. И ведь не в окошко сам глядит, все кругом видит глазами,- а нет! Гвоздь в голове сидит крепко.

Поднялся общий спор. Приводились "факты", соображения. Балужев, положив на стол руку ладонью вниз, медленно и спокойно возражал. И шестеро споривших были слабы перед ним, как будто они стояли в колеблющемся и уходящем из-под ног болоте, а он среди

них - на твердой кочке.

- А о книжке я только что говорю? Слов нет, она вещь полезная, необходимая,- кто же станет спорить? А только ведь нужно и ее с толком читать,- одно взял, другое бросил. А у нас как? Сшил себе человек кафтан из взглядов и надевает. А кафтан-то ему, может, совсем и не впору. Вот намерен один товарищ мой пишет из Москвы брату своему, мальчонке: Вася, говорит, учись, думай, читай книжки, чтоб ты мог стать "борцом за страдающих и угнетенных"... Во-от! Я думаю, больно уж много книжек сам он начитался, мозги обмозолил себе.

Сергей в восторге воскликнул:

- Великолепно!

Вскочил и быстро заходил по комнате. Митрыч довольно ухмылялся. Остальные недоумева-ли. Токарев осторожно спросил:

- Что же вы тут находите смешного? По-моему, письмо это, напротив, чрезвычайно трогательно.

- Нет, что ж смешного... Очень даже благородно! А только... За себя будь борцом, и то ладно. А то: мне самому, дескать, ничего не

надо, я вот только насчет "страдающих"...
Недавно мне тоже один человек совсем это самое говорит...

Токарев пожал плечами:

- Я все-таки вас не понимаю!

- ...один человек - образованный, интеллигентный. И притом состоятельный: чай пьет с булками. Говорит: мне ничего не нужно, мне самому хорошо, я, говорит, если готов работать, то готов работать для других... По моим взглядам, это уж не интеллигентный человек.

- Но почему же, почему? - настойчиво спросил Токарев.- Деятельность эгоистическая, то есть только для себя, по необходимости будет всегда узкою и темною. Высшая нравственность, напротив, заключается именно в самопожертвовании, когда человек не видит от этого выгоды для самого себя. Самопожертвование! Как я могу жертвовать собою для самого себя? Напротив, чем меньше мои собственные интересы направляют мою деятельность, тем она будет чище, выше, светлее. Ведь это совершенно ясно!

Балуев, подняв брови, слушал. В глазах его появилось что-то напряженное и растерянное.

ное. Он начал возражать. Спор становился все отвлеченнее. И чем отвлеченнее он становился, тем все более книжными и шаблонными становились выражения Балужева. Поваяло серую скукою и теоретической "неинтересностью". Токарев и Варвара Васильевна возражали все бережнее и осторожнее, стараясь не припирать его к стенке. Балужев встал. Быстро теребя бороду, он заходил по комнате и запинаящимся, неуверенным голосом приводил свои, бывшие мимо цели, возражения.

Сергей своим твердым, самоуверенным голосом вмешался в спор и стал защищать высказанный Балужевым взгляд. Спор сразу оживился, сделался глубже, ярче и интереснее; и по мере того как он отрывался от осязательной действительности, он становился все ярче и жизненнее. Балужев же, столь сильный своею неотрывностью от жизни, был теперь тускл и сер. Он почти перестал возражать. Горячо и внимательно слушая Сергея, он только сочувственно кивал головою на его возражения.

Спор начал падать. Всем еще милее и симпатичнее стал Балужев с его серьезным, напря-

жен-но-вдумывающимся лицом, какое у него было во время спора. Варвара Васильевна сказала:

- Тимофей Степаныч, ваш чай совсем остыл. Дайте, я вам налью свежего.

- А вот сейчас! Я этот допью! - Балуев поспешно допил чай и протянул стакан Варваре Васильевне. Сергей предупредительно взял стакан и передал сестре.

- Скажите, Тимофей Степаныч,- спросил он,- как вы стали вот таким? Вы учились в какой-нибудь школе?

- До двадцати лет я и грамоте не знал. Приехал в Питер облом обломом. Потом уж самоучкой выучился.

- А что вас заставило научиться?

Балуев улыбнулся.

- Захотел сам французские романы читать. Очень уж они меня заинтересовали. На квартире у нас, как воротимся с работы, один парнишка громко нам "Молодость Генриха Четвертого"* читал,- всю бы ночь слушал. Выучился я, значит, стал читать. Много прочел французских романов, тоже вот фельетонами зачитывался в "Петербургской газете" и

"Петербургском листке". Даже нарочно для них в Публичную библиотеку ходил. Ну, а потом поступил я в вечернюю трехклассную школу, кончил там,- после этого, конечно, получил довольно широкий умственный горизонт.

* Серия приключенческих романов французского писателя Понсон дю Террайля (1829-1871), выходявших в Москве в 1874-1875 годах. Он же автор авантюрно-приключенческих романов "Похождения Рокамболя" и "Воскрешение Рокамболя".

Слушатели украдкой переглянулись. Выражение у всех вызвало умиление.

- И ведь вот штука какая любопытная! - улыбнулся Балуев.- Помню, читал я "Рокамболя"; два тома прочел, а дальше не мог достать; уж такая меня взяла досада! Что с ним дальше, с этим Рокамболом, случится? Хоть иди на деньги покупай книжку, ей-богу!.. Ну, ладно. Прошло года четыре. Уж Добролюбова прочел, Шелгунова, Глеба Успенского. Вдруг попадается мне продолжение... Желанный! Забрал я книжку домой, думаю,- уж ночь не посплю, а прочту. Стал читать,- пятьдесят

страниц прочел и бросил. Такая глупость, такая скучища!.. А все-таки добром я ее помяну всегда, она меня читать приучила. Ну, а часто который сейчас? - обратился он к Варваре Васильевне.

Варвара Васильевна вздохнула:

- Пора идти, а то на поезд опоздаете! А может быть, останетесь до завтра?

- Нет, нельзя, нужно спешить! Спасибо на угощении. Прощайте!

В своей черной блузе, в пыльных, отрепанных сапогах, он обошел стол, протягивая всем широкую руку. Катя робко поднялась и - розовая, с внимательными, почтительными глазами - ждала.

Балуев протянул ей руку. Она вложила в эту грубую, мозолистую руку свою белую, узкую руку и крепко пожала ее. Глаза засветились умилением и радостным смущением.

Балуев взял со стула свой узелок и вышел в сопровождении Варвары Васильевны.

Все сидели молча. Варвара Васильевна воротилась.

- Как он, однако, изменился! - задумчиво произнес Токарев.- И какой он крепкий, цель-

ный - прямо кряжистый какой-то!

- Да. Ничего нет похожего на прежнее,- сказала Варвара Васильевна. Помните, раньше? Горячий, пылкий,- но совсем как желторотый галчонок; разинул клюв и пихай в него, что хочешь. Ну, а теперь...

Вегнер печально спросил:

- А теперь?.. По-моему, это положительно ужасно! Такое отрицание теории - гибель и смерть решительно всему. Мы это поймем, но поймем слишком поздно.

- Да, печальная штука! - согласился Сергей.- Но еще печальнее, что покоряет это, пригнетает как-то... Сила чувствуется.

Дверь быстро раскрылась. Вошла Таня - запыхавшаяся, раскрасневшаяся. Оглядела комнату. - Уехал уже?

- Уехал, конечно.

- Ах ты господи! Ну, что это!.. Что, что он рассказывал? - жадно обратилась она к Варваре Васильевне и Сергею.

- Любопытный парень!..- С медленной улыбкой Сергей неподвижно глядел в окно.- Как это он ловко выразился насчет обмозоленных книжкой мозгов! Черт его знает, ка-

кой-то совсем особенный душевный строй!

Таня быстро прошлась по комнате и решительно сказала:

- Слушайте, Митрыч! Теперь пять минут шестого, поезд отходит без четверти шесть. Поедем на извозчике на вокзал. Вы меня познакомите с ним.

- Что ж, поедем!

Они оба вышли.

VIII

В дверь раздался стук.

- Войдите!

Вошел больничный фельдшер Антон Антоныч, в белом халате и розовом крахмальном воротничке. Был он бледен, на вспотевший лоб падала с головы жирная и мокрая прядь волос.

- Варвара Васильевна, Никанора привезли: взбесился!

- Да что вы?.. Никанор? Взбесился-таки?

- В телеге привезли из деревни, связанного... Я, изволите видеть, дежурный, а доктора нет. Уж не знаю снимать ли его с телеги или доктора подождать. Больно уж бьется, страшно подойти. За доктором-то я послал.

Варвара Васильевна быстро надевала белый халат

- Ну, вот еще - ждать! Что ж ему так связанным и лежать?.. Пойдемте!

Они поспешно вышли.

Оставшиеся вяло молчали. Было очень жарко. Сергей сидел у окна и читал "Русские ведомости".

- Духота какая!.. Давайте, господа, на лодке покатаемся! - предложил Шеметов.

- Что ж, поедем.

- Только, господа, подождемте Татьяну Николаевну,- сказала Катя.

Сергей сердито возразил:

- Ну, вот еще! Ждать ее!.. Она, может быть, только к ночи воротится!

Лицо его было теперь нервное и раздраженное. Токарев усмехнулся:

- Я готов пари держать, что она с ним села в вагон, чтоб проехать одну-две станции!

Где-то с силою хлопнула дверь. В больничном коридоре тяжело затопали ноги. Кто-то хрипло выкрикивал бессвязные слова и хохотал. Слышался громкий и спокойный голос Варвары Васильевны, отдававшей приказа-

ния. Шум замер на другом конце коридора.

Варвара Васильевна вошла в комнату. Катя со страхом спросила:

- Что это такое? Правда, бешеный человек?

- Да. Ужасно жалко его! Такой славный был мужик - мягкий, деликатный, просто удивительно! И жена его, Дуняша, такая же... Его три месяца назад укусила бешеная собака. Лежал в больнице, потом его отправили в Москву для прививок. И вот, все-таки взбесился! Буянит, бьется,- пришлось поместить в арстантскую.

Сергей встал.

- Ну, господа, идем. Будет ждать! Варя, хочешь с нами? Мы едем на лодке.

- Отлично! Идемте...

Они вышли на улицу. У Токарева все еще стоял в ушах дикий хохот больного. Он поморщился.

- А должно быть, тяжелое впечатление производят такие больные.

Варвара Васильевна опустила глаза и глухо ответила:

- Не знаю, на меня они решительно никакого впечатления не производят. Вот ушла от-

туда, и на душе ничего не осталось. Как будто его совсем и не было.

В городском саду, где отдавались лодки, по случаю праздника происходило гулянье. По пыльным дорожкам двигались нарядные толпы, оркестр в будке играл вальс "Невозвратное время". Токарев сторговал лодку, они сели и поплыли вверх по течению.

Городской сад остался позади, по берегам тянулись маленькие домики предместья. Потом и они скрылись. По обе стороны реки стеною стояла густая, высокая осока, и за нею не было видно ничего. Солнце село, запад горел алым светом.

Шеметов, как столб, стоял на скамейке и смотрел вдоль реки. Катя сказала:

- Сережа, Вегнер! Столкните, пожалуйста, Шеметова в воду: он мне заслоняет вид.

Сергей, молчаливый и нахмуренный, сидел на корме и не пошевелился. Вегнер сделал движение, как будто собирался толкнуть Шеметова. Шеметов исподлобья выразительно взглянул на него и грозно засучил рукав.

- Посмотрю, кто на это решится!

Не родилась та рука заколдованная

Ни в боярском роду, ни в купеческом!..*

Он стоял в ожидании, сжимая кулаки. Потом сел и самодовольно сказал:

- Вот что значит вовремя привести подходящий стих! Никто не осмелился!

Токарев греб и задумчиво глядел себе в ноги. Балуев произвел на него сильное впечатление. Он испытывал смутный стыд за себя и пренебрежение к окружающим. В голове проносились воспоминания из студенческого времени. Потом припомнилась сцена из ибсеновского "Гюнта"**. Задорный Пер-Гюнт схватывается в темноте с невидимым существом и спрашивает его: "Кто ты?" И голос Великой Кривой отвечает: "Я - я сама! Можешь ли и ты это сказать про себя?.."

* Из "Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова" (1838) М. Ю. Лермонтова.

** Драматическая поэма норвежского драматурга Генриха Иоганна Ибсена "Пер-Гюнт" (1866), действие 2.

Шеметов острит и шутливо пикировался с Катей. Варвара Васильевна и Вегнер смеялись. Сергей молчал и со скучающим, брезг-

ливным видом смотрел на них.

- А Сережа сидит, как будто уксусу с горчицей наелся! - засмеялась Катя.

Сергей сумрачно ответил:

- Не вижу, чему смеяться. Ваши остроты нахожу ужасно неостроумными.

Вдруг Катя насторожилась:

- Что это?

Далеко в осоке отрывисто и грустно ухала выпь - странными, гулкими звуками, как будто в пустую кадушку.

- Выпь,- коротко сказал Сергей.

- Какие оригинальные у нее звуки! Что-то такое загадочное!

Шеметов невинно спросил Сергея:

- А что такое выпь... рыба или птица?

Сергей молча отвернулся, наклонился с кормы и опустил руку в воду.

- Это он выпь хочет выловить, показать нам! - догадался Шеметов.

- Нет, брат, выпь ловить я тебя самого в воду спущу! - злобно ответил Сергей.

Варвара Васильевна засмеялась:

- Нет, Сереже положительно нужно дать валерьянки! Его сегодня какая-то

блоха укусила.

Сергей обратился к Токареву:

- Владимир Николаевич, дайте мне погresti!

Он сел на весла и яро принялся грести. Лодка пошла быстрее. Сергей работал, склонив голову и напрягаясь, весла трещали в его руках. Он греб минут с десять. Потом остановился, отер пот с покрасневшегося лба и вдруг со сконфуженною улыбкою сказал:

- Однако какой из меня со временем выйдет паскудный старичишка!

Все засмеялись.

- Черт знает что такое!..- Сергей помолчал и задумчиво заговорил: Ужасно гнусное впечатление оставила во мне сегодняшняя встреча! Может ли быть что-нибудь противнее? Сидит он - спокойный, уверенный в себе. А мы вокруг него - млеющие, умиленные, лебезящие. И какое характерное с нашей стороны отношение: мягкая снисходительность с высоты своего теоретического величия и в то же время чисто холопское пресмыкание перед ним. Как же! Ведь он - "носитель"! А мы - что мы такое? Пустота, которая стыдится себя и

тоскует по нем, "носителе-ле". Жизнь, дескать, только там, а там ты чужой, органически не связан... Какая гадость! Почему он так гордо несет свою голову, живет сам собою, а я только вздыхаю и поглядываю на него?

В конце концов я сам себе исторический факт. Я - интеллигент. Что ж из того? Я не желаю стыдиться этого, я желаю признать себя. Он хорош, не спорю. Я верю в него и уважаю его. Но прежде всего хочу верить в себя.

- А этой веры нет и не может быть,- грустно возразила Варвара Васильевна.

Сергей вызывающе спросил:

- Почему это? Чем я хуже его? Какая между нами разница?

- Та разница, что ты вот и теперь уже стал паскудным старичишкой, ворчливо сказал Шеметов.

Сергей хотел что-то возразить, но нахмурился и замолчал. Он снова взялся за весла и стал усиленно грести.

Было уже совсем темно, когда они воротились к пристани. В городском саду народу стало еще больше. В пыльном мраке, среди ветвей, блестели разноцветные фонарики, музы-

ка гремела.

На улицах было пустынно и тихо. Стояла томительная духота, пахло известковой пылью и масляною краской. Сергей все время молчал. Вдруг он сказал:

- Прощайте, господа, я пойду на вокзал. Поеду с ночным поездом: не стоит ждать до завтра!

- Сережа, можно и я с тобой? - спросила Катя.

Сергей хмуро ответил:

- Как хочешь.

Они простились и пошли к вокзалу.

IX

Шеметов и Вегнер повернули к себе. Токарев пошел с Варварой Васильевной проводить ее до больницы. Звезды ярко мерцали, где-то далеко стучала трещотка ночного сторожа. Варвара Васильевна и Токарев шли по тихой улице, и шаги звонко отдавались за домами.

Оба задумчиво молчали. Сегодняшняя встреча пробудила в них давнишние воспоминания, они не перекинулись ни словом, но оба знали и чувствовали, что думают об од-

НОМ И ТОМ ЖЕ.

Вдруг Варвара Васильевна остановилась:

- Стойте, что такое?

На той стороне улицы из раскрытых окон неслись звуки скрипки и рояля. Играли "Легенду" Венявского.

У Токарева забилося сердце. "Легенда"... Пять лет назад он сидел однажды вечером у Варвары Васильевны, в ее убогой комнате на Песках; за тонкою стеною студент консерватории играл эту же "Легенду". На душе сладко щемило, охватывало поэзией, страстно хотелось любви и свет-лого счастья. И как это тогда случилось, Токарев сам не знал,- он схватил Варвару Васильевну за руку; задыхаясь от волнения и счастья, высказал ей все,- высказал, как она бесконечно дорога ему и как он ее любит.

Из окон широко лились певучие, жалующиеся звуки "Легенды". Токарев взглянул на Варвару Васильевну. Она стояла, не шевелясь, с блестящими глазами, и жадно слушала. Где-то вдали с грохотом прокатились дрожки, потом застучала трещотка ночного сторожа. Варвара Васильевна нетерпеливо

прошептала:

- Господи, как мешают!

Вдали смолкло, и опять по тихой улице поплыли широкие, царственные звуки. Лицо у Варвары Васильевны стало молодое и прекрасное, глаза светились. И Токарев почувствовал - это не музыка приковала ее. В этой музыке он, Токарев, из далекого прошлого говорил ей о любви и счастье, ее душа тянулась к нему, и его сердце горячо билось в ответ. Музыка прекратилась. Варвара Васильевна быстро двинулась дальше.

- Пойдемте! Другого не нужно слушать! И опять за тихими домами отдавались шаги, и звезды мерцали в темном небе.

- Помните, Варвара Васильевна?..- начал Токарев.

Оживленная и счастливая, она поспешно прервала его:

- Да, да... Только не нужно об этом говорить... Как хорошо кругом, как звезды блестят!..

Они подошли к воротам больницы.

- Зайдите. Напьемся чаю.

В ее комнате было темно. Токарев зажег

лампу.

- Посидите, я сейчас схожу в кухню за кипятком. - Варвара Васильевна что-то вспомнила и в колебании помолчала.- Или вот что,- заговорила она извиняющимся голосом,- подождите минут пять, я только схожу, проведу сегодняшнего больного.

- Варвара Васильевна, да это же невозможно! Ну, пожалуйста, я вас прошу.- Он сжал ее руку в своих руках.- Пожалуйста, оставьте на сегодня всех больных! Ведь вы в отпуске, там у вас есть дежурные фельдшера.

- Я в одну минуту сбегаяю. Видите, сегодня дежурный Антон Антоныч: он с десяти часов ляжет спать и не встанет до утра. А больной тяжелый, ему, может быть, что-нибудь нужно... Я сейчас ворочусь!

- Ну, а можно мне с вами пойти?

- Отлично! Пойдемте!

Они пошли по коридору. Варвара Васильевна тихо открыла дверь в арестантскую. В задней ее половине, за решеткою, сидел на полу больной. По эту сторону стоял больничный служитель Иван - бледный, с широко открытыми глазами. Маленькая лампочка горе-

ла на стене. Варвара Васильевна шепотом спросила служителя:

- Ну, что Никанор?

- После обеда ничего был. Доктор ему лекарства дал, он заснул... А теперь вот сидит, глаза-ми ворочает, да вдруг как начнет головою биться об решетку!.. Все пить просит.

- А лекарство вечером давали ему?

- Н-нет...

Варвара Васильевна и Токарев подошли к решетке. В полумраке сидел на полу огромный человек. Он сидел сторбившись, с свесившимися на лоб волосами, и раскачивал головою. Варвара Васильевна мягко сказала:

- Здравствуйте, Никанор! Как поживаете?

Больной медленно поднял голову и пристально оглядел Варвару Васильевну. На темной бороде клочьями висела подсыхавшая пена. Он хрипло ответил:

- А как!.. Видно, не больно хорошо!

- Вы меня знаете?

- Ну, а как же не знаю!

- Кто же я?

- Вы-то? Барышня наша. - Он помолчал и задумчиво потер ладонью край лба. - Скажите

вы мне, бога ра ди, - как я сюда попал?

- Вы в больнице. Вам было худо, и потому вас привезли сюда!

- Худо? - Больной задумался. - Да, да, я что-то сильно безобразил. Но что я делал - не знаю.

- Ничего вы не безобразили. Просто у вас сильно болела голова, так сильно, что вы были без памяти. Ну, конечно, когда человек без памяти, то и мечется. Хотите пить? Я вам сейчас дам.

- А решетка зачем?.. Нет, видно, сильно я безобразил, коли за решетку посадили меня, как зверя...

Он уныло опустил голову. Лицо стало грустное и хорошее.

- Посадили вас за решетку, чтоб вы не убежали, если опять будете без памяти,- только для того. Поправитесь и пойдете себе домой.

Больной вдруг спросил:

- А где моя жена?

- Дома.

- А скажите... Она жива?

- Конечно, жива и здорова.

- А ребята?

- И ребята тоже.

- Гм...- Больной нахмурился и понурил голову.- Да скажите же мне,- что такое со мною было? - Он начинал волноваться.- Я помню, я что-то сильно безобразил. Вот, вы говори-те, жена моя, Дуняша, здорова... Отчего же ее тут нету?

- Никанор, какой вы, право, странный! Ведь вы же знаете, у нее в деревне хозяйство, дети, скотина. Не может же она все бросить и идти к вам. Ну, справит дела, утром и придет вас прове-дать.

- Утром... Нет, это вы меня обманываете!.. Что с женой? - вдруг коротко и решительно спросил он.- Я ей что-нибудь сделал? Убил ее! Не обманывайте вы меня, бога ради!

- Ну, Никанор, если вы мне не верите, то я уйду. Мне, наконец, обидно: я никогда не лгу, а вы вот мне не верите.

Больной внимательно слушал.

- Нет, нет, не уходите, я верю... Ну, а вас, ба-рышня, я не обидел? Помнится, я вам что-то худое сделал.

- Да нет же, голубчик, ничего вы мне не сделали! Будет разговаривать, вам это вред-

но... Иван, сходите к зрителю и принесите бутылку пива.

Иван вышел. Больной сидел на тюфяке, свесив голову. Лицо его побледнело, он дышал часто и поверхностно.

- Эх, вот тут больно,- сказал он и показал под ложечку: - дышать не дает. А пить охота...

- Вот сейчас принесут пиво, вы выпьете и вам станет легче.

Срывающимся голосом он вдруг спросил:

- Скажите, барышня, я... бешеный?

Варвара Васильевна рассмеялась.

- Ну, что за глупости! Какой же вы бешеный? У вас просто горячка, больше ничего. Я сейчас пойду поить вас,- разве бы я пошла, если бы вы были бешеный?

Больной замолчал. Мутные глаза смотрели из полумрака на Варвару Васильевну. Вдруг он сказал:

- Я сейчас во всю силу буду стучать в дверь!

- Зачем?

Он вызывающе ответил:

- А чтоб Дуняша пришла!

- Я же вам говорила, сейчас ей некогда. Она

придет завтра утром, а если что задержит,- в полдни уж непременно.

- В по-олдни... Ну, теперь я вижу, всё вы врете. Говорили,- утром, а теперь уж на полдни перешли!.. Нет, видно, ее в живых-то нету... Пустите меня, я к ней пойду! - крикнул он, встал и подошел к решетке.

- Ну, Никанор, если так, то прощайте! Я вам передаю ее же слова, а вы не верите. Если не верите, то нечего и толковать.

- Нет, постойте, не уходите. Вы скажите только,- придет она?

- Придет.

- Ей-богу?

- Ей-богу.

- Ну, ладно, буду ждать. А только... Коли она не придет, буду так безобразить, что... И вас не послушаю, никого! - Больной помолчал.- Коли не придет, увидите, что будет! Я попрошу вас к себе сюда...- зловеще протянул он.

- Зачем?

- А тогда узнаешь, зачем!.. Значит, вы только утешали меня, обманывали!..

Больной волновался все больше. В тоске он

потер рукою под ребрами.

- Эх, как больно тут!.. Дайте мне пить! Я пить хочу.

В арестантскую на цыпочках вошел служитель Иван с бутылкою пива.

- Вот, извольте!..- В смутном ужасе он покосился на больного и зашептал: - Только я, барышня, ни за что не пойду с вами! Хоть сейчас с места стоните!

Варвара Васильевна спросила:

- Антон Антоныч у себя?

Она вышла с Токаревым в коридор. Токарев ощущал в спине быструю, мелкую дрожь. Он спросил:

- Но ведь бешеные, кажется, не могут пить?

- Нет, пиво им иногда удается проглотить.

По коридору шел заспанный Антон Антонович, в своих розовых воротничках и пиджаке.

- Антон Антоныч, Никанор пить просит. Не поможете ли вы мне его напоить?

Фельдшер остановился, поднял брови и забегал глазами по потолку.

- Мм-м... Знаете что? Подождемте лучше

доктора, он ведь скоро придет.

- Какое же "скоро"? Он приходит в девять утра, а теперь только час ночи.

- Нет, знаете... Он сегодня раньше придет.

- Ну, Антон Антоныч, это вы сочиняете! Почему он сегодня раньше придет?.. Скажите, поможете ли мне или нет?

Антон Антоныч замялся.

- Знаете... я боюсь! А ну, как он меня укусит! С доктором хоть в огонь пойду, а без него я... извините, боюсь!

- Как хотите!.. Дело только в том, что одной трудно его напоить.

Варвара Васильевна беглым взглядом скользнула по лицу Токарева. Токарев внимательно смотрел на фельдшера и с невинным видом играл ключиком от часов.

Фельдшер помолчал и спросил:

- Ну, а если я не пойду, то что будет?

- Что будет! Ничего особенного. Пойду одна.

Фельдшер с изумлением оглядел ее.

- Ну, Варвара Васильевна... Как это - одна? Это невозможно!

- А что же я буду делать? Больной просит

пить, а я стану уговаривать его ждать до утра?

Варвара Васильевна пошла назад. Фельдшер шел за нею следом.

- Барышня, вы подумайте, ведь это невозможно! Да и на что пить ему? Он все равно не выздоровеет, помрет к завтраму,- с пивом ли, без пива ли...

Варвара Васильевна, не слушая, говорила:

- Нужно будет морфия всыпать в пиво.

Она вошла в арестантскую. Фельдшер, странно сопя носом, в волнении прошелся по коридору. Подошел к Токареву, развел дрожащими руками:

- Я, знаете... не могу этого... У меня жена молодая, ребенок маленький...

И, быстро повернувшись, снова пошел по коридору. Токарев видел, как он бормотал что-то под нос и размахивал руками.

Варвара Васильевна высыпала в жестяную кружку порошок и налила пиво. За решеткою темнела в полумраке огромная лохматая фигура больного. Он сидел сторбившись и в забытьи качал головою. Служители и сиделки толпились в первой комнате, изредка слы-

шался глухой вздох. Токарев, прислонясь к косяку коридорной двери, крепко стискивал зубы, потому что челюсти дрожали.

Варвара Васильевна подошла к решетке.

- Никанор, вы хотели пить. Я войду, напою вас. Хорошо?

Он пробормотал:

- Хорошо.

- Ну, а можно мне к вам одной войти, вы не обидите меня?

Больной с удивлением поднял глаза.

- Что вы, барышня? Вы меня поить будете, а я обижать! Нет, вы не опасайтесь!

- Ну, хорошо... Иван, отоприте замок!

Иван снова зашептал:

- Только я, барышня, ни за что не пойду с вами. Да и вы тоже, барышня... Ведь в его душу не влезешь!

Варвара Васильевна нетерпеливо повторила:

- Да отпирайте же!

Стало тихо. Иван дрожащими руками совал ключ, но не мог попасть в замок. Больной неподвижно сидел на тюфяке и с загадочным любопытством смотрел на толпу за решеткой.

В дверях коридора появился фельдшер. С широко открытыми страдающими глазами, он остановился на пороге, крепко вцепившись пальцами в локти. Иван продолжал лязгать ключом по замку. Варвара Васильевна, бледная и спокойная, с сдвинутыми тонкими бровями, ждала с кружкой в руках.

Фельдшер пробормотал.

- Нет... Нет... Господи! Простите меня, я не могу!..

Он странно-молитвенно поднял кверху руки, повернулся и с поднятыми руками пошел по коридору прочь. Замок два раза звонко щелкнул. Решетчатая дверь открылась. Все замерли. Варвара Васильевна вошла в больницу. Вдруг словно сила какая подхватила Токарева. Он протолкался сквозь толпу и тоже вошел за решетку

Варвара Васильевна сказала:

- Ну, Никанор, давайте пить!

Больной зашевелился и поспешно отер ладонью усы.

- Дайте мне руку, держите меня!

Токарев вполголоса сказал Варваре Васильевне:

- Позвольте, я подержу.

Она быстро взглянула на него. Бледное лицо вспыхнуло радостью, и засветившиеся глаза с горячею ласкою остановились на Токареве. Больной говорил:

- За обе руки держите! А то я боюсь, не зашибить бы барышню... Эй, вы! - обратился он к толпе.- Подержите кто-нибудь!

Иван на цыпочках вошел в дверь и, широко улыбаясь, взял больного за руку. Токарев держал другую руку. Держал и смотрел на подсохшие клочья пены, висевшие в спутанной, темной бороде больного.

Больной жадно поглядел на кружку с холодным пивом и вздохнул.

- Эх, выпить-то я не смогу!.. Я воду в рот, а меня как будто кто за горло схватит.

Варвара Васильевна сказала:

- Да это не вода, это пиво. Вы не бойтесь, пиво всякий всегда может выпить, оно совсем легко идет в горло... Ну, откройте рот!

Больной неуверенно раскрыл рот. Варвара Васильевна влила в него ложку пива.

- Ну, вот! Отлично! Глотайте, вы непременно

но проглотите! - спокойно и уверенно твердила Варвара Васильевна.

Больной закрыл глаза, постарался проглотить, но судорога сдавила ему глотку. В мучительных усилиях побороть ее он весь изогнулся назад, выкатывал глаза, рвался из рук державших. Потом вдруг сел и облегченно вздохнул - он проглотил.

- Не ушиб ли я вас? - спросил он, передохнув.- Кажись, руками я шибко махал - не задел ли кого?

Варвара Васильевна радостно ответила:

- Нет, нет, успокойся, милый, никого ты не задел! Вот теперь ты сам видишь, что можешь пить... Ну, еще ложку!

- Дай тебе бог доброго здоровья!.. Ну, господи благослови!

Больной, хотя со значительными усилиями, но выпил еще две ложки. Облегченный и успокоенный, он сказал:

- Теперь, бог даст, засну.

Все вышли от него. В коридоре к Варваре Васильевне подошел фельдшер. Он виновато и подобострастно заглянул ей в глаза.

- Я, право, Варвара Васильевна, не мог пой-

ти! Ведь я не один, вы знаете; у меня жена молодая, ребенок. Знаете, хотел было пойти, и вдруг, как видение встало перед глазами: Дашенька, а на руках ее младенец! И голос говорит: не ходи!.. Не ходи, не ходи!.. Какая-то сила невидимая держит и не пускает!

Варвара Васильевна добродушно засмеялась.

- Ну, что об этом говорить теперь! Видите, кое-как сладилось дело. Покойной ночи!

Она и Токарев вошли в ее комнату. На подносе стоял большой жестяной чайник с кипятком, и чай был уже заварен. Токарев со смехом говорил:

- Боже мой, какой чудак этот ваш Антон Антоныч!.. Посмотрели бы вы на его физиономию, когда Иван отпирал замок!.. Да, Варвара Васильевна, кстати: отчего вы прямо не обратились ко мне, чтоб я вам помог? Я сначала не решался предложить свои услуги, думал, для этого нужен специалист. Ну, а вижу, "специалисты" все мнутя...

Варвара Васильевна с счастливою улыбкою наклонилась над чайником, слегка поднимая и опуская его крышечку.

- Я в душе была убеждена, что вы пойдете...
Хотя на одну секунду
усомнилась...

Токарев улыбнулся.

- Это тогда, когда вы говорили в коридоре с
фельдшером?

- Д-да...

- Так, господи, я же вам говорю: я не знал,
гожусь ли я. Вижу, вы ко мне не обращаетесь,-
думаю: очевидно, тут нужны специальные
знания...

Они долго просидели за чаем. Не хотелось
расходиться. Случилось что-то особенное.
Вдруг они стали близки-близки друг другу.
Каждую фразу, каждое слово одного другой
принимал с горячим, любовным вниманием.
И глаза встречались теперь свободно.

Уже светало, когда Токарев вышел из боль-
ницы. Он шел улыбаясь, высоко подняв голо-
ву, и жадно дышал утренней прохладой. Как
будто каждый мускул, каждый нерв обнови-
лись в нем, как будто и сама душа стала со-
всем другая. Он чувствовал себя молодым и
смелым, слегка презирающим трусливого
Антоня Антоныча. И перед ним стояла Варва-

ра Васильевна, как она входила в комнату бешеного,- бледная, со сдвинутыми бровями и спокойным лицом,- и как это лицо вдруг осветилось горячею ласкою к нему.

Х

Варвара Васильевна и Токарев воротились в Изворовку. Таня заявила, что уж отдохнула в деревне и останется в Томилинске.

Жизнь в Изворовке текла тихая, каждый жил сам по себе. Токарев купался, ел за двоих, катался верхом. Варвара Васильевна опять с утра до вечера возилась с больными. Сергей сидел за книгами. Общие прогулки предпринимались редко.

Варвара Васильевна как будто жалела о порыве, охватившем ее под влиянием неожиданно услышанной "Легенды". Она замкнулась в себе и старалась отдалиться от Токарева. Токарев мучился, несколько раз пытался заговорить. В ее глазах появлялась тогда растерянность. И, прося у Токарева взглядом прощения, она переводила разговор на другое. Ему все больше начинало казаться, что Варвара Васильевна, такая на вид спокойная и ровная, давно уже переживает в душе что-то

очень тяжелое. Иногда, случайно увидев ее одну, он поражался, какое у нее было глубоко грустное лицо.

С Сергеем отношения у него совсем не ладилась. Вначале Сергей относился к Токареву с любовною почтительностью, горячо интересовался его мнениями обо всем. Но что дальше, то больше в его разговорах с Токаревым стала проскальзывать ироническая нотка. И Сергей становился Токареву все неприятнее.

Вообще Сергей производил на Токарева странное впечатление. Оба они жили наверху, в двух просторных комнатах мезонина. Сергей то бывал буйно весел, то целыми днями угрюмо молчал и не спал ночей. Иногда Токарев слышал сквозь сон, как он вставал, одевался и на всю ночь уходил из дому. От Варвары Васильевны Токарев узнал, что Сергей страдает чем-то вроде истерии, что у него бывают нервные припадки.

Прошла неделя. Тринадцатого августа, в воскресенье, были именины Конкордии Сергеевны. Съехалось много гостей.

Большой стол был парадно убран и поверх обычной черной клеенки был покрыт бело-

снежною скатертью. В окна сквозь зелень кленов весело светило солнце. Конкордия Сергеевна, вставшая со светом, измученная кухонною суетою и волнениями за пирог, села за стол и стала разливать суп.

Сергей с усмешкою шепнул Токареву:

- Мученица своего ангела! И Варя, несчастная, тоже запряглась. С утра на кухне торчит.

Василий Васильевич был очень оживлен и говорлив. Он наливал в рюмки зубровку.

- Ну, господа, господа! За здоровье именинницы!

Выпили по рюмке, некоторые по второй. Закусив, принялись за бульон с пирогом.

Юрасов, акцизный ревизор с Анною на шее, с любезною улыбкою говорил Конкордии Сергеевне:

- А приятно этак, знаете, на лоне природы жить!.. Какой у вас тут воздух прелестный!

Конкордия Сергеевна махнула рукою.

- Эх, милый Алексей Павлович, не говорите! Мы этого воздуха и не замечаем. Столько хлопот, суеты,- где уж тут о воздухе думать!

- Нет, знаете... Что ж суета? Суета везде есть, без нее не обойдешься.

- Вот только для детей, конечно. Для них, для здоровья их - вот, правда, много пользы от воздуха.

- Ну да, и для детей...- Юрасов взглянул на Сергея.- Сергей Васильевич где теперь, в Юрьевском университете?

Конкордия Сергеевна сделала скорбное лицо.

- В Юрьевском, Алексей Павлович, в Юрьевском... Дай бог, чтобы уж там как-нибудь кончил, об одном только я бога молю.

- Ну, кончит, бог даст... Молодость, знаете: кровь кипит, в голове бродит!..- Юрасов повел сухими пальцами перед лбом.- Этим огорчаться не следует; перебродит, взгляды установятся и все будет хорошо. Вот увидите.

Прикусив улыбку на красивых губах, Сергей молча смотрел на благодушно-снисходительное лицо Юрасова с отлогим лбом и глазами без блеска.

Юрасов продолжал:

- И все-таки, что вы там ни говорите, а я от души рад за Василия Васильевича, что он бросил нашу лямку. Что ему теперь? Ни от кого не зависит, сам себе хозяин, делает, что хочет.

Василий Васильевич юмористически поднял брови и крякнул:

- Гм... Я бы с большим удовольствием предоставил это удовольствие вам... Нет, Алексей Павлович, раньше было лучше. Бывало, придет двадцатое число - расписывайся у казначея и получай жалованье, ни о чем не думай. А теперь - дождь, солнце, мороз, от всего зависишь. А главная наша боль, народу нет. Нет народу!

- Нету, нету! - вздохнул помещик Пантелеев, плотный, с маленьким лбом и жесткими стриженными волосами.- Положительно невозможно дела делать!

- Хоть сам коси и паши! Все бегут в город; там хоть за три рубля готовы жить, а тут и за пять не хотят. А уж который остается, так такая шваль, что лучше и не связывайся.

- Грубый народ, пьяный! Вор-народ! - подержал Пантелеев.- Вы поверите, сейчас август месяц, а у меня еще два скирда необмолоченных стоит прошлогодней ржи,- ей-богу! Нет рук!

Своим медленным и спокойным голосом заговорил Будиновский:

- Я думаю, господа, вы сами в этом виноваты. Хороших рабочих всегда можно достать, если им хорошо платить и сносно содержать.

Пантелеев почтительно и с скрытою враждою исподлобья взглянул на него:

- Да, Борис Александрович, вам это легко говорить! Мы бы, может, с вашими капиталами тоже не жаловались. А то капиталов-то у нас нету, а детей семь человек; всех обуодень, накор-ми-напои. Вы-то платите от излишков, а цену набиваете. А жить-то, Борис Александрович, всем надо-с,- всем надо жить!

Горячо заспорили.

Марья Михайловна Будиновская сидела рядом с Токаревым. Она вполголоса сказала ему:

- Ужасно помещики на нас злобятся! Не могут простить, что мы платим рабочим высокую цену. Этот самый Пантелеев на земском собрании такую филиппику произнес против Бориса... И вообще, я вам скажу, типы тут! Один допотопнее другого! Вот Алексей Иванович много может вам рассказать про них.

Она заглянула на сидевшего рядом земско-

го врача Голицынского.

Загорелый, с угрюмым и интеллигентным лицом, Голицынский лениво спросил:

- Это насчет чего?

- Я говорю, что вам приходится наблюдать наших деятелей в довольно-таки непривлекательном свете.

- А-а!..- Голицынский помолчал.- Да вот вам случай с коллегой моим, врачом соседнего участка,- заговорил он неохотно, как будто его заставляли говорить против воли.- Зовет его в свой приют для сирот земский начальник, гласный. У мальчика оказывается гнойный плеврит. Пожалуйста, будьте добры сделать дезинфекцию.- Дезинфекция не нужна, болезнь не заразная.- А я требую! Врач пожал плечами и уехал. Земский пишет в управу бумагу,- в приюте, дескать, открылась заразная болезнь, а земский врач отказывается сделать дезинфекцию. Из управы запрос к врачу: почему? - Потому, что не было никаких оснований исполнять невежественные требования господина земского начальника. Назначается расследование, и результат: врача "для улучшения местных отношений" пе-

реводят в другой участок.

Сергей с любопытством спросил:

- Ну, а вы что же?

- То есть, что же я?

- Так и оставили это? И все врачи уезда не вышли в отставку?

Марья Михайловна воскликнула:

- Ах, господи, Сережа!.. Какой он прямолинейный! Обо всем судит со своей студенческой точки зрения!.. Ну, что хорошего было бы, если бы Алексей Иванович ушел? Одним дельным человеком стало бы у нас меньше, больше ничего!

Доктор, наклонившись над тарелкой, ворошил вилкой оглоданное крыло утки.

- Нет, дело не в этом,- грубовато возразил он.- Дело, извольте видеть, в том, что куска хлеба лишишься. А на другое место пойдешь, будет не лучше. Вот - причина простая.

Марья Михайловна, прищурившись, смотрела вдаль, как будто не слышала признания доктора. Сергей протянул:

- Да, это что спорить! Просто!

- Оно, знаете, в нашей жизни человек подлет ужасно быстро, ужа-асно!.. Совсем осо-

бен-ная философия нужна для нее: надень наглазники, по сторонам не оглядывайся и иди с лямкой по своей колее. А то выскочишь из колеи, пойдет прахом равновесие и... жить не станет силы. Изволите видеть? Не станет силы жить!

Сергей изумился.

- И вы миритесь с этой философией!.. Кругом - жизнь, такая яркая, живая и интересная, а вы сознательно надеваете наглазники и боитесь даже взглянуть на нее!

Доктор неохотно спросил:

- Где она, яркая-то жизнь? Все серо кругом, душно и пусто... "Яркая"...

- Да, если так дрожать перед нею и покоряться ей...

- Я не знаю, мне кажется, вы совершенно не возражаете Алексею Ивановичу,- заговорил Токарев, обращаясь к Сергею.- Мысль доктора вполне ясна: в теории непримиримость хороша и даже необходима, но условия жизни таковы, что человеку волею-неволею приходится съезживаться и становиться в узкую колею. И мне кажется, это совершенно верно. Какая, спрашивается, польза, чтобы вместо

Алексея Ивановича у нас оказался врач, который бы лечил мужиков оптом: Эй, у кого животы болят? Выходи вперед. Вот вам касторка. У кого жар? Вот вам хинин!

Сергей, подняв брови, внимательно смотрел на Токарева.

- Это в ваших устах звучит ново!.. Я думал, вы согласитесь с тем, что непримиримость нужна прежде всего именно в жизни, что честные люди должны словом и делом доказывать, что подлость есть подлость, так же уверенно и смело, как нечестные люди доказывают, что подлость есть самая благородная вещь.

Марья Михайловна, обрадованная поддержкою Токарева, возразила:

- Да, только тогда нельзя будет жить! И все честные люди будут погибать.

Сергей усмехнулся.

- Будут погибать, верно! А вот этого-то как раз нам ужасно не хочется погибать!

- Ну, Сережа, я тебя не слушаю! - Марья Михайловна засмеялась и заткнула уши белыми пальцами в кольцах.

Обед кончился. Перешли в гостиную. Одни

сидели, другие расхаживали по комнате и рассматривали безделушки в неуклюжих стеклянных горках. Подали кофе. Перед домом, в густой липовой аллее, расставляли карточные столы.

Конкордия Сергеевна сидела на диване между женами Юрасова и Пантелеева, размещивала ложечкою кофе и рассказывала:

- У Катамышевых говорят мне: попробуйте жженого кофею взять, у нас особенным образом жгут, все покупатели одобряют. Взяла, - гадость ужасная! Просто кофейная настойка, без всякого вкуса. А я люблю, чтоб у кофе был букет...

С террасы, потирая руки, вошел в гостиную Василий Васильевич.

- Ну, господа, господа! Пора за дело! Пожа-луйте, столы готовы!

Мужчины и многие дамы поднялись. Василий Васильевич спросил Токарева:

- А вы в винт не играете?

- Я... мм... играю немножко...

- А-а!..- Василий Васильевич с уважением оглядел его.- Великолечно!.. Вот вам, значит, четвертый партнер! - обратился он к Марье

Михайловне.

Марья Михайловна просияла и с ласкою взглянула на Токарева.

- Как я рада!

Она сначала как будто удивилась, что он играет.

Спустились с террасы. Столы в аллее весело зеленели ярким сукном. Партнерами Марьи Михайловны и Токарева были Пантелеев и акцизный чиновник Елкин. Уселись, вытянули карты. Марье Михайловне вышло сдавать.

Елкин, живой старичок с круглыми глазами, говорил:

- Ну, я сегодня в выигрыше! Как с дамами играю, всегда выигрываю.- Он взял карты.- Так и есть! Туз... другой... третий... четвертый... пятый...

Марья Михайловна засмеялась. Елкин сказал:

- Вы что смеетесь? Давайте пари, что выиграю!

- Давайте!

Вечер был чудесный - теплый и тихий. Солнце светило сбоку в аллею. Нижние ветви

лип просвечивали яркою зеленью. В полосах солнечного света золотыми точками плавали мухи. Варвара Васильевна расхаживала по аллее с женами Елкина и Пантелеева и занимала их.

Марья Михайловна в колебании смотрела в свои карты.

- Погодите немножко... Гм...- Она помолчала.- Ну... без козыря!

- Если говорят с руки: "Ну... без козыря!" - это значит, что всего два туза,- объяснил Елкин Токареву и решительно сказал: - Три без козыря!

Марья Михайловна лукаво погрозила пальцем.

- Иван Яковлевич, не зарывайтесь!

- Я вам с начала игры сказал, что у меня пять тузов... Владимир Николаевич, карты поближе к орденам,- все вижу.

- Четыре черви! - сказал Токарев, игравший с Марьей Михайловной.

Елкин почтительно протянул:

- Па-ас, па-ас!.. Прикажете раскрыть прикуп?

Марья Михайловна заволновалась:

- Нет, нет, подождите!.. Четыре без козыря! Я беру! Она раскрыла прикуп, задумалась. Нерешительно передала Токареву четыре карты и сказала:

- Ну, посмотрю, поймете ли вы.

Пантелеев ворчливо заметил:

- Марья Михайловна, так нельзя!

- Да я... я ничего не сказала!

- А я вот понял, что вы сказали! - вызывающе произнес Елкин.- На ренонсах хотите играть!

- Малый в червях,- объявил Токарев.

Они сыграли назначенное. Марья Михайловна забрала последнюю взятку и радостно заговорила:

- Вы мне говорите: "черви", а у меня туз и пять фосок! Я все-таки колебалась поднимать на пять червей, но, думаю: вы сразу сказали четыре черви, значит, у вас масть хорошая... Ну, записывайте, Владимир Николаевич!

Ее красивое лицо горело оживлением. За соседним столом царило гробовое молчание. Там играли Василий Васильевич, Будиновский, доктор Голицынский и ревизор Юрасов с Анною на шее. Они сидели молча, непо-

движные и строгие, и только изредка раздавалось короткое: "пас!", "три черви", "четыре трефы!" Елкин почтительно сказал:

- Вот играют! Как цари!

Игра шла веселая и оживленная. Сыграли уже шесть робберов. Темнело, подали свечи и чай.

Токарев, увлеченный трудным разыгрыванием большого шлема с Елкиным, случайно поднял глаза. За соседним столом, лицом к нему, сидел Василий Васильевич, глядя в карты. Свечи освещали его лицо - серьезное и строгое, со сдвинутыми тонкими бровями... У Токарева прошло по душе странное чувство. Что такое? Где он недавно видел такое же лицо? Ах, да!.. Совсем с таким лицом Варвара Васильевна стояла недавно перед решеткою в ожидании, когда служитель откроет дверь к бешеному...

По аллее прошли в глубь сада Сергей и побледневшая Варвара Васильевна. Сергей ирониче-ски сказал:

- Ишь, Владимир-то Николаевич наш! Совсем акклиматизировался среди "больших"!

Токарев дрогнул и нахмурился.

"Какое скучное ребячество!" - с тоскою подумал он.

В одиннадцать часов подали ужинать. Все шумно сели за стол, веселые и проголодавшиеся. Токарев опять сидел рядом с Марьей Михайловной. Они теперь чувствовали себя совсем друзья-ми, шутили, смеялись. Василий Васильевич разлил по бокалам донское игристое. Стали говорить шутливые тосты, чокаяться. После ужина гости начали разъезжаться.

Марья Михайловна в верхней кофточке цвета ее юбки и в шляпке, сделавшей ее лицо еще красивее, крепко пожимала руку Токареву и взяла с него слово, что он приедет к ним в деревню. Подали коляску Будиновских. Красивые серые лошади, фыркая, косились на свет и звякали бубенчиками. Кучер в бархатной безрукавке неподвижно сидел на козлах.

Будиновские сели, и коляска, звеня бубенчиками, мягко покатила в темноту.

Токарев вышел на террасу. Было тепло и тихо, легкие облака закрывали месяц. Из темного сада тянуло запахом настурций, левкоев. В голове Токарева слегка шумело, перед ним

стояла Марья Михайловна - красивая, оживленная, с нежной белой шеей над кружевом изящной кофточки. И ему представилось, как в этой теплой ночи катится по дороге коляска Будиновских. Будиновский сидит, обняв жену за талию. Сквозь шелк и корсет ощущается теплота молодого, красивого женского тела...

Хорошо бы так жить! Вот такая жена - красивая, белая и изящная. Летом усадьба с разве-систыми липами, белою скатертью на обеденном столе и гостями, уезжающими в тарантасах в темноту. Зимой - уютный кабинет с латаниями, мягким турецким диваном и большим письмен-ным столом. И чтоб все это покрывалось широким общественным делом, чтобы дело это захваты-вало целиком, оправдывало жизнь и не требовало слишком больших жертв...

XI

С утра пошел дождь. Низкие черные тучи бежали по небу, дул сильный ветер. Сад выл и шумел, в воздухе кружились мокрые желтые листья, в аллеях стояли лужи. Глянуло неприветли-вою осенью. На ступеньках крыльца чернела грязь от очищаемых ног,

все были в теплой одежде.

Настал вечер. Отужинали. Непогода усиливалась. В саду стоял глухой, могучий гул. В печных трубах свистело. На крыше сарая полуоторванный железный лист звякал и трепался под ветром. Конкордия Сергеевна в поношенной блузе и с косынкою на редких волосах укладывала в спальне белье в чемоданы и корзины - на днях Катя уезжала в гимназию. Горничная Дашка, зевая и почесывая лохматую голову, подавала Конкордии Сергеевне из бельевой корзины выглаженные женские рубашки, юбки и простыни.

Варвара Васильевна, Токарев, Сергей и Катя сидели в столовой. Горела лампа. Скатерть, с неприбранной после ужина посудой, была усеяна хлебными корками и крошками. Сергей, с особенным блеском в глазах, сидел на окне, засунув руки меж колен, и хмуро смотрел в угол.

- Ах ты гадость какая! - с отвращением сказал он, встал и зашагал по комнате.- Как паскудно на душе! Ну и компания же была у нас вчера!.. У-у, эти взрослые люди!..

Он остановился перед столом.

- Взрослые, "почтенные"... всю жизнь корпят, "трудятся", и даже не спросят себя, кому и на что нужен их труд. Важно только одно, чтоб "заработать" побольше, чтоб можно было со своею семьею жить... А для чего жить?.. А вечером съедутся и с тем же важным, почтенным видом целыми часами бросают на стол раскрашенные картонки. И ведь все ужасно уважают себя, какое сознание собственного достоинства, какая уверенность в своем праве на жизнь! В голове - пара дрянненьких идейек, высохших, как залежавшийся лимон, и это - "установившиеся взгляды". Зачем думать, искать? Ведь это положительно собрание каких-то животных - тупых, самодовольных, ни над чем не задумывающихся. И среди этих животных - "люди": доктор, покорно преклоняющийся перед всякою подлостью, хотя и понимает, что это подлость. Будиновский с его великолепным либерализмом... Я его себе иначе теперь не могу представить: жена сидит, читает ему умную книжку, а он слушает и... рисует лошадиные головки. Ведь в этих лошадиных головках он весь целиком, со всею силою своих идеалов и

умственных запросов... Бррр!..

Сергей передернул плечами и медленно зашагал по столовой. Токарев стоял у печки и крутил бородку. В душе росло глухое раздражение. Он заговорил:

- Меня, Сергей Васильевич, удивляет одно. Вы преисполнены ужасным презрением к бывшим у нас вчера взрослым людям. Они не удовлетворяют вашему представлению о человеке - страстно ищущем, смелом, не дрожащем за себя и свое благополучие. Вы в этом совершенно правы, но только... Разве у нас вчера были какие-нибудь особенные "взрослые люди", а не самые обыкновенные? В общем, взрослые люди все таковы, и над этим стоит задуматься. Возьмите хоть такую вещь: среди ваших сверстников вы, наверное, уважаете множество лиц, среди "взрослых людей" лишь трех-четырех, и то вы их уважаете условно. Ведь правда?

- Совершенно верно.

- Ну вот. У меня тоже было много сверстников, заслуживавших глубокого уважения, а теперь... теперь они уважения не заслуживают. Какая этому причина? Та, что двадцать

лет есть не тридцать и не сорок, больше ничего. Вам двадцать два года. Эко чудо, что у вас кровь кипит, что вам хочется подвигов, "грозы", самоотверженной деятельности, что вы жадно ищете знаний! В ваш возраст все это вполне естественно. Но это вовсе не дает вам права так презирать других людей и так уважать себя. Вот останьтесь таким до сорока лет,- тогда уважайте себя!

Сергей сдержанно возразил:

- Мне кажется, из ваших слов вытекает не этот вывод. Когда я перестану быть "таким", то я и должен перестать уважать себя.

- Нет, не то! Я говорю, что нужно иметь право предъявлять известные требования, хотя бы и самые законные, а вы такого права не имеете. Если десятилетний мальчик станет проповедовать взрослому человеку идеи "Крейцеровой сонаты", мне будет только смешно, хотя я могу вполне сочувствовать его проповеди. Как может он упрекать людей, если физиологически не способен понять, что такое страсть? Я буду слушать его и думать: погоди, брат, доживи до двадцати лет, и тогда мы тебя послушаем. То же самое и относи-

тельно вас: я думаю, вам с вашим презрением следовало бы подождать лет пятнадцать - двадцать.

Сергей, сторбившись, сидел на окне, раскачивал ногами и с любопытством смотрел на Токарева. Токарев взволнованно говорил:

- Жизнь человека, его душа - это страшная и таинственная вещь! За маленьким, узким сознанием человека стоят смутные, громадные и непреодолимые силы. Эти-то постоянно меняющиеся силы и формируют сознание. А человек воображает, что он своим сознанием формирует и способен формировать эти силы... В чем другом, но в этом, мне кажется, невозможно сомневаться, и с фактом этим приходится мириться. И я лично, напротив, глубоко преклоняюсь перед людьми, которых вы так презираете,- у них чувство долга по крайней мере хоть до известной степени регулирует и направляет эти темные силы. И тут нельзя говорить: либо все, либо ничего, а нужно быть глубоко благодарным просто за что-нибудь.

Сергей качал головой и смотрел взглядом, от которого Токареву было неловко.

- Как легко и уютно жить с такою моралью,- я вам положительно завидую! И других можно "глубоко уважать" за ломаный грош, да и... самому весь свой основной капитал можно ограничить таким же грошом.

Токарев решительно и быстро сказал:

- Ну, Сергей Васильевич, на личности, я думаю, можно бы и не переходить!

- То есть, позвольте! Вы же сами все время доказываете, что мне всего двадцать лет. Вправе же и я сказать, что вам... перевалило за тридцать! - с усмешкою возразил Сергей.

- Да, мне перевалило за тридцать. Но что же из этого следует? К себе я могу и даже обязан предъявлять самые высокие требования, всю жизнь свою я могу оковать долгом. Но это не освобождает меня от обязанности относиться к другим терпимо и снисходительно. Я понимаю, что жить порядочным человеком не так легко, как птице петь песни. Кто с собою борется, кто старается не потерять из глаз идеала, заслуживает уважения, а не презрения. Я даже больше скажу: наша прямолинейная требовательность, наша ненависть к компромиссам тяжелым проклятием лежит

на всей истории нашей интеллигенции. Это специально русская черта, европейцу она совершенно непонятна. Лежит куча кирпичей. Европейец берет из нее, сколько в силах поднять, и спокойно несет к месту постройки. Русский следит за ним с презрительной усмешкой: смотрите, какой филистер,- несет всего дюжину кирпичей! Подходит русский богатырь и взваливает на плечи всю кучу. Еле идет, ноги подгибаются, и он, наконец, падает,- надорвавшийся, насмерть раздавленный нечеловеческою тяжестью. Вот это герой!.. Подходит другой, пробует поднять ношу и опять-таки, конечно, всю целиком. Но у него не хватает сил. Что делать? Он в отчаянии стоит над тяжелою грудой: он не работник, он - лишний человек,- и пускает себе в лоб пулю. Ведь такое отношение к делу мы видим у нас во всем. У каждого над головою висит альтернатива: либо герой, либо подлец,- середины между этим для нас нет.

- Ну, теперь мне все совершенно ясно!.. О да! Удобнее всего, конечно, поместиться в центре вашей альтернативы. Дескать, ни герой, ни подлец. Заполучить тепленькое ме-

стечко в надежном учреждении и делать "по-сильное дело" - ну там, жертвовать в народную библиотеку старые журналы...- Сергей поднял на Токарева тяжелый взгляд.- Но неужели вы, Владимир Николаевич, не замечаете, что вы полный банкрот?

Варвара Васильевна в негодовании воскликнула:

- Сережа, это, наконец, гадко! Для чего ты постоянно сейчас же сворачиваешь на личности?

- Черт возьми, да мне вовсе не интересен теоретический разговор! Все любящие папашки говорят то же самое! Меня все время интересуется лишь сам Владимир Николаевич, о котором я раньше имел совершенно другое представление.

Токарев сдержанно сказал:

- Ну, знаете, в таком случае мы лучше прекратим разговор.- И он молча заходил по комнате.

Варвара Васильевна, потемнев, смотрела на Сергея и старалась остановить его взглядом. Сергей спокойно заговорил, как будто ничего не произошло:

- Разные бывают исторические эпохи. Бывают времена, когда дела улиток и муравьев не могут быть оправданы ничем. Что поделаешь? Так складывается жизнь: либо безбоязненность полная, либо - банкрот, и иди на смарку.

Токарев, напевая под нос, ходил по комнате. Он показывал, что не слушает Сергея и считает разговор конченным. Остальные тоже молчали и с осуждением глядели на Сергея. Сергей зевнул, заложил руки за голову и потянулся.

Катя сказала:

- Сережа, осторожнее! Продавишь локтем стекло.

Сергей помолчал. Глаза заблестели странно и весело. Он высоко поднял брови, и лицо от этого стало совсем детским:

- А что, вышибу я сейчас стекло или нет?

- Ну, брат, пожалуйста! Чего доброго, ты и вправду вышибешь! - сказала Варвара Васильевна.

Сергей, все так же подняв брови, с выжидающе усмешкою глядел на Варвару Васильевну - и вдруг быстро двинул локтем. Осколки

стекла со звоном посыпались за окно. Сырой ветер бешено ворвался в комнату. Пламя лампы мигнуло и длинным, коптящим языком забило в стекле.

- Господи, Сережа, ведь это же невозможно! - Варвара Васильевна поспешно схватила лампу и отодвинула в угол.

Токарев остановился, с недоумением оглядел Сергея и, пожав плечами, снова заходил по комнате. Сергей со сконфуженною улыбкою почесал в затылке.

- Черт знает что такое! Для чего я это сделал?.. Ну, ничего, Варварка, не огорчайся! Мы сейчас все это дело поправим!

Он быстро выбросил в сад осколки стекла, взял с дивана порыжелую кожаную подушку и заставил окно.

- Видишь, еще лучше,- все-таки хоть немножко вентиляция будет происходить!

Вошла Конкордия Сергеевна и недовольно спросила:

- Что это у вас тут за война?

- Войны, мама, никакой не было. Это я хотел испытать, крепки ли у нас стекла в окнах. Оказывается, никуда не годятся, представь се-

бе!

- Окошко разбил? Господи ты мой боже! Ну что это! - Конкордия Сергеевна, ворча, подошла к разбитому окну.- Словно мальчик какой маленький! Разыгрался!

Сергей обнял ее.

- Ничего, мама, завтра покрепче стекла вставим... А что, дашь ты нам попробовать пастилы, которую сегодня варила?

- Ишь увивается! - засмеялась Катя.

Конкордия Сергеевна с сердитою улыбкою ответила:

- Не будет тебе пастилы, не стоишь!.. Вы, детки, ступайте из столовой: вон как в окно дует, еще простудитесь!.. И как это так можно? Ведь стекло денег стоит! Не маленький, мог бы понять. Тридцать - сорок копеек надо отдать... Пастила еще не остыла, на холод поставлена.

Она ушла. Сергей молча постоял и тоже вышел. Токарев пожал плечами.

- Что за странный человек!

Катя с беспокойством взглянула на Варвару Васильевну и грустно сказала:

- Ему что-то сегодня не по себе. Я боюсь,-

что, если с ним сегодня опять что-нибудь случится?

- Ужасно он нервный!.. Как бы вправду чего не случилось с ним! А тут еще ветер так фантастически гудит...

XII

Сергей вышел из столовой и медленно прошел через большую, темную залу в гостиную. В ней тоже было темно. Он постоял, подошел к столу и сел в неудобное старинное кресло с выгну-тою спинкою.

С самого утра им сегодня владела тупая, мутная тоска. Была противна погода, были против-ны вчерашние гости. Всего же противнее было то, что он не может стряхнуть с себя этой тоски. Раздражительная и злобная, она росла, вздымалась и охватывала, словно душные испарения. С отвращением он наблюдал, как в душе шевелилась и дрожала темная, нервная муть, над которою он был не властен. Токарев сейчас тоже говорил о "смутных, неподвластных человеку силах, которые формируют сознание"... О, этот человек с отрастающим животиком и начинающеюся лысиною - он все сумеет повернуть на оправда-

ние своей заплывающей жиром души... И Сергей гадливо морщился, что у него может быть хоть что-нибудь общее с этим человеком.

В большой, высокой гостиной было темно. Только светлели огромные окна. Ветер гудел не переставая, тучи быстро бежали над садом. Черные вершины деревьев бились и металась под ветром. Стеклянная дверь террасы звякнула, ей в ответ слабо, болезненно зазвенела струна в рояле.

Сергей вздрогнул и оглянулся. Он услышал этот немолчный, глухой гул ветра. Гул был там, снаружи, а кругом притаилась тишина. Только стенные часы в зале как-то особенно громко тикали. Но в этой тишине все как будто живо и таинственно двигалось. Опять звякнуло стекло, что-то невидимое со вздохом пронеслось в темноте через комнату и исчезло за шкафом. Дверь в залу слабо скрипнула и зашевелилась. За окном, на фоне бледного ночного неба, как живая, испуганно билась ветка. Стало жутко. Сергей встал и вышел из гостиной, боясь оглянуться.

В столовой еще горел огонь. У стола, тихо разговаривая, сидели Токарев и Варвара Ва-

ильевна. Сергей прошел по коридору в комнату матери. Конкордия Сергеевна резала на блюде свежесваренную яблочную пастилу и укладывала ее в банки. У окна, заставленного бутылками с наливкою и ягодным уксусом, стояла Катя. Конкордия Сергеевна сказала:

- Ну вот, теперь вам всем до самых святок припасов хватит!.. Посмотри, Сереженька, какая пастила,- как янтарь! Попробуй-ка!

Сергей молча взял кусок и съел. Чтоб что-нибудь сказать, он спросил:

- А ветчину дашь?

- Как же! Сегодня утром четыре окорока отослала коптить в город... Ну, слава богу, все уложила!

Она стала увязывать банки. Катя с робким беспокойством украдкой следила за Сергеем. Конкордия Сергеевна говорила:

- Как ветер-то гудит!.. А рамы все в щелях, ни одна плотно не закрывается. На стеклах всю замазку галки оклевали... Да! Вот еще что, детки: колбасы я вам положу двух сортов - польские и просто жареные. Жареные вы ешьте раньше, они скоро портятся. Их можно есть холодными, но если разогреть, то, конеч-

но, будет вкуснее. Ешьте с горчицей, это будет здоровее для желудка.

Сергей с неподвижными глазами постоял еще немного и молча вышел. Катя спросила:

- Сережа, ты куда идешь?

- Наверх, к себе.

- Можно с тобой?

Сергей заметил ее любящий, полный беспокойства взгляд и резко сказал:

- Что тебе там надо?

Катя замолчала.

Сергей вышел из комнаты, прошел темный коридор, переднюю и по узкой, крутой лестнице поднялся в мезонин.

Наверху было темно. Но в этой темноте так же, как в гостиной, все жило и двигалось. Ветер в саду гудел глухо и непрерывно, то усиливаясь, то ослабевая. На дворе отрывисто лаяла собака, словно прислушиваясь к собственному лаю, и заканчивала протяжным воем. Полуоторванный железный лист звякал на крыше сарая. Сергей остановился посреди комнаты. Он медленно дышал и пристально вглядывался в темноту.

Снаружи что-то невидимое зашуршало по

стене и быстро пронеслось перед окнами. В углу у окна раздалось слабое, жалобное гудение. Это гудение постепенно становилось все громче. Снова что-то с шумом пронеслось за окнами, ветер яростно налетел из сада на дом. Стена затрещала. А в углу ныло все сильнее, отчаяннее. Теперь там ясно слышались живые, как будто человеческие стоны. Сергей осторожно вглядывался в угол и вдруг заметил, что в правом окне створки как-то странно звучат - слабо, порывисто и неправильно. Как будто кто-то подлетел снаружи и старался открыть окно, нетерпеливо ерзая по переплету. Сергей широко открытыми глазами вглядывался в окно,- и вдруг, вздрогнув, отскочил назад,- в щелку рамы раздался злобный, шипящий свист.

Задыхаясь, Сергей успокаивал себя:

- Это - ветер!

А снаружи бешено выло и свистало, стена колебалась... И вдруг сразу все оборвалось и замолчало. Только далеко гудел сад - глухо, утомленно.

Стало тихо. Смутный ужас все сильнее охватывал Сергея. Средь мертвой тишины,

сзади, в темном углу, кто-то невидимый спокойно сплюнул. Сергей быстро обернулся: это капнула на пол капля из рукомойника, под который забыли подставить таз. Опять что-то легкое пронеслось за окнами, и опять слабо, чуть слышно заныло в углу. Гул сада рос, усиливался, становился ближе. Как будто могучая сила неслась из сада на дом. Со всех сторон поплыли странные, неясные звуки, и Сергей уж не успевал их объяснять. Окружающее принимало необычный, сверхъестественный характер. У окна слабо шевелилось что-то серое, волнующееся. Сзади кто-то тяжело дышал. В темноте быстро проносились синеватые искры.

Теснило грудь, не хватало дыхания. Ужас - безумный, нерассуждающий и тянущий к себе - оковал Сергея. И казалось ему, - стоит шевельнуться, и случится что-то неслыханное, и он, потеряв разум, полетит в темную, крутящуюся бездну.

XIII

Токарев и Варвара Васильевна сидели вдвоем в столовой. Лампа освещала скатерть и непри-бренные тарелки с объедками. В саду

бушевал ветер. В разбитое окно, заставленное подушкой, дуло сырým холодом. Варвара Васильевна говорила:

- Вы сказали тогда, что за маленькою душою человека стоят смутные и громадные силы, которые делают с нами, что хотят. Это так страшно и, кажется... такая правда!

Она помолчала и, пересиливая себя, заговорила опять:

- Я уж несколько лет замечаю это на самой себе. Что такое делается? Во мне все словно сохнет, как сохнет ветка дерева. Ее форма, весь наружный вид - все как будто остается прежним, но в ней нет гибкости, нет жизни, она мертва до самой сердцевины. Вот так и со мною. Как будто ничего не изменилось. Взгляды, цели, стремления - все прежнее, но от них все больше отлетает дух...

Токарев медленно расхаживал по комнате и с удивлением слушал. Он никак не ожидал, чтоб Варвара Васильевна переживала что-нибудь подобное. От ее признаний ему становилось легко и радостно, и Варвара Васильевна делалась ближе.

- И что делать, чтоб удержать прежнее? Я

бы ни перед чем не остановилась. Но оно прошло, и его не воротить. Нет желания отдать себя всю, целиком, хотя вовсе собою не дорожишь. Нет ничего, что действительно серьезно бы захватывало, во что готова бы вложить всю душу. Я знаю, в этом решение всех вопросов, счастье и жизнь, но только во мне этого нет, и я... я не люблю людей, и ничего не люблю! - Она со страхом взглянула на Токарева.

Токарев, широко раскрыв глаза, молча ходил. Он ждал, чтоб Варвара Васильевна продолжала,- так странно было слышать от нее это признание. Но, опустив голову, она молчала.

Токарев остановился перед нею и медленно заговорил:

- Вы не любите людей... Я не знаю, кто же тогда может сказать, что любит? Мне кажется, вы предъявляете к себе уж слишком преувеличенные требования. Вы хотите каждого, первого встречного человека любить горячо, так сказать, "конкретно", как близкого,- это прямо невозможно. Возьмите такой случай. Я иду ночью по глухой улице и слышу крики:

"Караул!" Если я знаю, что это кричит, положим, любимая мною девушка, я все забуду и брошусь на помощь. Если же это так, неизвестно, кто кричит, то пойду я очень неохотно, может быть, даже постараюсь пройти в сторонке незамеченным.

Варвара Васильевна удивленно взглянула на Токарева. Он как будто не заметил ее удивления и постарался осторожно сгладить впечатление от своего признания

- Допустим для ясности, что я даже на это способен,- допустим, что я прошел бы мимо. Все-таки это еще ничего не доказывает; на страдания чужого человека невозможно отзываться так же горячо, как на страдания близкого. Но значит ли это, что я не люблю людей? Мне дорого все хорошее, я горячо радуюсь тому, что приносит людям пользу и счастье, негодую на то, что их давит и делает несчастными; при устройстве моей личной судьбы я руководствуюсь не собственными выгодами, а тем, чтоб мое дело было по возможности полезно для людей. Разве бы все это было возможно, если бы мне до других не было дела?

Варвара Васильевна молчала. Токарев прошелся по комнате.

- И главное - вам, вам обвинять себя в равнодушии к людям!.. Эх, Варвара Васильевна! Ну, ответьте по совести: если бы нужно было умереть за какое-нибудь хорошее дело,- вы-то не пошли бы? Да я голову даю на отсечение, что оказались бы в первых рядах.

С бледною улыбкою Варвара Васильевна ответила:

- Нет, я пошла бы... Именно потому, что требовалось бы умереть.

Токарев опустил голову. Жуткое прошло у него по душе - жуткое и от смысла ее слов, и что она в этом признавалась. Он почувствовал, что дальше в их разговоре не будет лжи, что и он будет говорить всю правду, какова бы она ни была. Ветер бешеным порывом налетел из сада и зазвенел в стеклах окон.

Токарев с усилием сказал:

- А что такая холодная любовь, о которой я говорю, не может наполнить жизни - это, конечно, верно. Говоря правду, со мною происходит то же, что с вами, только еще в большей мере. Вы вот сейчас, кажется, удивились,

когда я сказал, что, слыша крики о помощи, я, может быть, прошел бы мимо. А я чувствую себя даже на это способным. Помните, вы тогда в больнице пошли ночью напоить бешеного мужика? Я неправду сказал, что не знал, гожусь ли я вам в помощники, - я просто боялся пойти

Варвара Васильевна смущенно и растерянно подняла глаза и сочувственно закивала головою, как бы боясь, чтоб Токарев не подумал, что она осуждает его. Радуюсь возможности говорить все, не встречая осуждения, он продолжал:

- Мне вообще тяжело и заглядывать в себя. Я вижу, во мне исчезает что-то, исчезает страшно нужное, без чего нельзя жить. Гаснет непосредственное чувство, и его не заменить ничем. Я начинаю все равнодушнее относиться к природе. Между людьми и мною все выше растет глухая стена. Хочется жить для одного себя... Я вот теперь много думаю и читаю по этике, стараюсь философски обосновать мораль, конструирую себе разные "категории долга". Но в душе я горько смеюсь над собою: почему раньше мне ничего такого не

было нужно? Заметили ли вы, что вообще у людей действующих мораль поразительно скудна и убога? А вот, когда человек остывает, тут-то и начинаются у него настойчивые мысли о морали, о долге. И чем больше он остывает, тем возвышеннее становится его мораль и ее обосновка. Долг, долг!.. Всегда, когда я говорю или думаю о нем, у меня в глубине души начинает беспокойно копошиться стыд. Как будто я собираюсь начать игру с фальшивою колодою карт. Долг тащит человека туда, куда он не хочет идти сам. Но человек хитрее стоящего над ним долга и в конце концов заставляет его тащить себя как раз туда, куда ему хочется. Пройдет десять лет,- я буду видеть долг в том, чтоб не ссориться с женою, чтоб пожертвовать десять рублей на народную библиотеку или отказаться от третьего блюда в пользу голодающих. Пройдет еще десять лет, начнет стареть тело,- и я создам себе долг из того, чтоб отказаться от табаку, от вина, стать вегетарианцем...

И ведь ужасно то,- я знаю, это так и будет! И я буду искренно уважать себя за то, что по мере сил исполняю возложенный на себя

долг

Варвара Васильевна, сдвинув брови, задумчиво собирала ножом хлебные крошки. Токарев тихо говорил:

- Я из всего этого не вижу никакого выхода. Умерло непосредственное чувство,- умерло все. Его нельзя заменить никаким божеством, никакими философскими категориями и нормами, никакими "я понял". Раз же это так, то, конечно, вы в сущности правы: для чего оставаться жить? Не для того же, в самом деле, чтоб бичевать себя и множить число "лишних людей"...

- Да. И хорошо тем, о ком некому печалиться.

Они становились все ближе друг к другу. С отдающимся доверием сообщницы Варвара Васильевна взглянула на Токарева и сказала:

- И удивительная у меня организация! Никакая болезнь ко мне не пристает. Как-то раз на вскрытии Алексей Михайлович, доктор наш, говорит мне: осторожнее вскрывайте труп, больной умер от гнилокровия. А я порезалась...- Она показала большой красный рубец на левой ладони. - И хоть бы что! Через

две недели все зажило. Другой раз смазывала я зев дифтеритному ребенку; дифтерит был очень тяжелый, гангренозный; ребенок закашлялся и брызнул мне слюною в глаза; на этот раз, конечно, все вышло нечаянно. Я сейчас же не успела промыть глаз,- и все-таки ничего!

Высоко подняв брови, Токарев неподвижно глядел на Варвару Васильевну. "На этот раз, конечно, нечаянно"... Значит, в первый раз было не нечаянно?.. Так вот на что способна она, всегда такая ровная и веселая! Стало страшно от мыслей, которые он только что высказывал с таким легким сердцем. Сидевшая перед ним девушка вдруг стала ему чуждой, чуждой...

Он несколько раз прошелся по комнате. Потом остановился перед Варварой Васильевной и изменившимся голосом заговорил:

- Все-таки мне кажется, что вы меньше всех других имеете право так поступать. Вам жить тяжело, это я теперь вижу. Но я слышал, как восторженно отзываются об вас все, с кем вы сталки-ваетесь, вижу, каким светлым лучом вы везде являетесь... Какое вы имеете

право уходить из жизни только потому, что вам самой тяжело? Неужели это не самый грубый эгоизм?

Варвара Васильевна пугливо взглянула на него и опустила глаза, жалея, что проговори-лась. А он смотрел на ее красивый, благород-ный лоб, на мягкие и густые русые волосы,- и рыданья забились в груди.

В столовую вошла Катя.

- Варя, пойдем спать! Уж первый час.

Варвара Васильевна быстро встала.

- Верно, пора! Пойдем!

- Как этот ветер неприятно действует на нервы! - Катя нервно повела плечами.- Мне просто жутко идти спать одной. Послушай-те-ка, как гудит!

Непрерывный гул стоял над садом - стран-ный, зловещий и сухой, как только осенью деревья шумят. Ветер порывами проносился за темными окнами; стволы лип скрипели; в печной трубе слышался шорох.

Вдруг наверху, над потолком, раздался глу-хой стук, как от падения человеческого тела. Потом застучали ноги об пол, и упало еще что-то тяжелое. Катя быстро подняла голову и

нервно вскрикнула:

- Что это там?!

Опять что-то глухо стукнуло над потолком, и слышались странные звуки - не то смех, не то плач. Ветер сильнее завыл за окном. Катя вдруг разрыдалась.

- Варя, голубушка, это что-то с Сережей наверху! Он с утра был странный... Скорее пойдете!.. Господи, что с ним такое?!

Варвара Васильевна вздрогнула.

- Да ну, Катя, что это?.. Что с ним может случиться!

Катя заливалась слезами и твердила:

- Нет, нет, пойдете скорее!.. Владимир Николаевич, подите, посмотрите, что с ним такое!..

Все вышли в переднюю.

XIV

Токарев и Варвара Васильевна стали подниматься по крутой скрипучей лестнице. Было темно. Токарев зажег спичку. Вдруг дверь наверху быстро распахнулась, и на пороге появилась белая фигура Сергея в нижнем белье. Волосы были всклокочены, глаза горели диким, безумным ужасом.

- О-о-о-о-о-о-о!! - кричал он непрерывным, рыдающим воем.- Что тебе тут нужно? Во-он!! Черти!..

Варвара Васильевна громко сказала:

- Сережа, что с тобою? Стыдись!

Сергей, согнувшись, держался руками за косяк двери, глядел пристальным, безумным взглядом в глаза Токареву и бессмысленно вылил.

- Да ну, успокойтесь же, Сергей Васильевич! Что это, в самом деле! Как вам не стыдно? - Токарев шагнул вперед.

Сергей вздрогнул, как будто наступил на змею.

- Вон!!! - завопил он и судорожно затопал ногами.

Спичка погасла в руках Токарева.

- Сереженька! - услышал он за собою робкий, плачущий голос Конкордии Сергеевны.- Ох, Владимир Николаевич, голубчик мой, что это с ним?

Дверь наверху захлопнулась.

- Помогите мне взойти!.. Ох!.. Не видно ничего, темно!.. Что это с ним такое?.. Варенька, ты это? Что с ним?

Конкордия Сергеевна поднималась по лестнице, оступаясь в темноте. У Токарева спичек в коробке больше не было. Варвара Васильевна сказала:

- Принесите скорее свечку!

Токарев поспешно спустился вниз. В передней горела лампа. Катя, схватившись за голову и склоняясь над столом, истерически рыдала.

- Ну, что Сережа?

- Добудьте скорее свечку! - Токарев был бледен, нижняя челюсть его дрожала.

- Да вот, возьмите лампу, она здесь не нужна.

- Лампу страшно: вышибет из рук,- еще по пожару наделает.

Катя побежала за свечкой. Токарев остановился у стола. Ветер выл на дворе. В черном окне отражался свет лампы. На газетном листе желтел сушившийся хмель. Прусак пробежал по столу, достиг газетного листа, задумчиво пошевелил усиками и побежал вдоль листа к стене.

Катя принесла свечку. Токарев поднялся наверх. Сергей лежал на кровати, закутав-

шись в одеяло и повернувшись лицом к стене. Над ним склонилась Конкордия Сергеевна, плакала и утирала глаза платком.

- Сереженька, родной мой! Скажи мне, что с тобою?

Сергей, не поворачивая головы, отрывисто ответил обычным своим голосом:

- Да пустяки, ничего не было!

- Варенька, милая, дай ему каких-нибудь успокоительных капель!.. Это ты себе нервы расстроил. Говорила я тебе: не занимайся так много. Сидишь по ночам, вот и досиделся...

Конкордия Сергеевна, всхлипывая, подошла к заваленному книгами столу. Варвара Васильевна шепнула:

- Сережа, выпей чего-нибудь, чтобы успокоить маму. Я тебе принесу.

Сергей молча кивнул головою. Варвара Васильевна пошла вниз.

- Вон сколько книг... Господи! Да ведь это совсем голову себе испортишь! Ну, почитал немножко - и довольно, отдохни. А то ведь день и ночь, всё книги и книги...

Сергей, не шевелясь, лежал на постели. Вошла Варвара Васильевна с раствором бромид-

стого калия. Она весело сказала:

- Ну, вот тебе и успокоительные капли!..
Сережа, пей!

- Ты бы еще, Сереженька, лед себе на голову положил,- говорила Конкордия Сергеевна.- Я сейчас велю Дашке наколоть.

Токарев рассмеялся.

- Да полноте, Конкордия Сергеевна! Какой там лед! Оставьте его спать!

- Ну, спи, голубчик! Господь с тобою!

Она неуверенно подошла к Сергею, перекрестила его и поцеловала. Сергей поморщился и закутался в одеяло.

Конкордия Сергеевна и Варвара Васильевна ушли. Токарев перешел со свечою во вторую, свою комнату. Он почувствовал себя одиноким, стало немного страшно. Взял книгу и сел к столу так, чтоб дверь в соседнюю комнату была на глазах.

Он скользил взглядом по строкам, но ничего не понимал. Сергей в соседней комнате заворочался на постели.

- Однако же и дозу закатаила мне Варька!..
Что это, бром?

- Да. Ничего, что много. Лучше подейству-

ет.

Стало не так страшно.

- Солёный какой! Теперь, я знаю, на несколько дней раскиснешь. Помню, раз пришлось принять,- три дня после этого голова как будто тряпками была набита...- Сергей помолчал и сконфуженно усмехнулся. - Черт знает что я такое выкинул!

Токарев вошел в его комнату.

- Как вы себя теперь чувствуете?

- Ничего,- неохотно ответил Сергей и замолчал.- А хорошо, что вы тогда на лестнице еще одного шагу не сделали Я бы вас, ей-бог, задушил!

- Ну, уж задушили бы,- улыбнулся Токарев и почувствовал, что бледнеет.

В глазах Сергея мелькнул насмешливый огонек, и Токарев заметил это.

Внизу, на лестнице, раздался шорох и тихий скрип ступеней. Сергей вздрогнул и быстро поднялся на постели.

- Что там еще такое?! - Глаза его снова странно загорелись.

Очевидно, Конкордия Сергеевна или Катя подслушивали, что делается с Сергеем. Тока-

рев взял свечку и пошел, чтобы попросить их уйти. Но только он ступил на лестницу, как Сергей неслышно вскочил с постели и скользнул в комнату Токарева. Токарев повернул назад. На пороге он столкнулся со спешившим обратно Сергеем. Взгляды их встретились. Сергей быстро отвернул лицо и снова лег в постель. С сильно бьющимся сердцем Токарев вошел в свою комнату и подозрительно огляделся. Что тут нужно было Сергею? Что он взял?

Стало безмерно страшно. Захотелось убежать, спрятаться куда-нибудь. Он сел к столу и не спускал глаз с черного четырехугольника двери. В соседней комнате было тихо. За окном гудел сад, рамы стучали от ветра... Сергей, может быть, взял здесь нож. Все это боги знают чем может кончиться! Хорошо еще, что бром он принял: бром - сильное успокаивающее, через полчаса уж не будет никакой опасности.

Сергей заворочался на постели, деревянная кровать под ним заскрипела. Токарев насторожился. Снова все стихло. Токарев курил и думал, - как ему поступить, если Сергей бро-

сится на него: покорно ли, с кроткою улыбкою отдаться в его руки или грозно крикнуть на него, обуздать его силою психического влияния?

Часы шли. Токарев непрерывно курил. Иногда ему казалось, что Сергей заснул,- из соседней комнаты доносилось мерное, спокойное дыхание. Но вскоре Сергей опять начинал ворочаться, и кровать под ним скрипела. Токарева сильно клонило ко сну. Голова опустилась, мысли стали мешаться. Вдруг он вздрогнул и быстро поднял голову,- он ясно как будто почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд... Кругом все было по-прежнему. Из соседней комнаты доносилось храпение Сергея. На дворе светало.

Токарев облегченно вздохнул и поднялся. В комнате было сильно накурено. Он осторожно открыл окно на двор. Ветер утих, по бледному небу плыли разорванные, темные облака. Двор был мокрый, черный, с крыш капало, и было очень тихо. По тропинке к людской неслышно и медленно прошла черная фигура скотницы. Подул ветерок, охватил тело сырым холодом. Токарев тихонько закрыл

окно и лег спать.

XV

Утром Сергей, как ни в чем не бывало, зашел за книги. За завтраком он был молчалив и сконфуженно смотрел в тарелку. На него внимательно поглядывали украдкой, но никто не говорил о случившемся.

Токарев после всего вчерашнего чувствовал себя, как в похмелье. Что это произошло? И разговоры Сергея, и признания Варвары Васильевны, и припадок Сергея - все сплошь представлялось невероятно диким и больным кошмаром. И собственные его откровенности с Варварой Васильевной, - он как будто высказал их в каком-то опьянении, и было стыдно. Что могло его так опьянить? Неожиданная откровенность Варвары Васильевны? Этот странный гул сада, который напрягал нервы и располагал к чему-то необычному, особенному?

Между ним и Варварой Васильевной легло что-то, и они не смотрели друг другу в глаза. Вечером, перед ужином, Токарев пошел к себе наверх за папиросами. Он поднимался по скрипучей лестнице. Сквозь маленькое окон-

це падал лунный свет на крутые, пыльные ступеньки.

И вдруг вспомнилось, как вчера быстро распахнулась наверху дверь, как на пороге с диким воплем заметалась страшная фигура Сергея. Вспомнился его горящий ужасом взгляд, судорожный топот... Сердце неприятно жалось, и, стараясь не вспоминать о вчерашнем, Токарев взошел наверх.

Но, раз вспомнив, он уже не мог отогнать воспоминаний. Смутный, неясный страх вился вокруг и незаметно охватывал его. Все окружающее становилось необычным. Месяц светил в окна, мертвенный свет двумя косыми четырехугольниками ложился на пол. В полумраке комнаты пряталась странная, пристальная тишина. Токарев неподвижно остановился посреди комнаты. Он чувствовал, раздайся сейчас неожиданно громкий крик или стук, - и с ним произойдет то же, что вчера было с Сергеем. Он так же затопают, с тем же диким воплем бросится куда-то...

В углу около шкафа что-то смутно забелело. Дыхание стеснилось. Токарев стал пристально вглядываться. Он сразу понял, что

это висит полотенце на ручке кресла. Но его тянуло вздрогнуть, тянуло испугаться. И Токарев стоял и неподвижно вглядывался в белевшее пятно, словно ждал, чтоб что-нибудь дало толчок его испугу.

"Что это со мною?" - вдруг подумал он, громко рассмеялся, подошел к креслу и сдернул полотенце.

Страх исчез. Но оставаться наверху все-таки было неприятно, и он вышел вон.

В полутемной передней сидела деревенская баба в зипуне. Варвара Васильевна, весело разговаривая, перевязывала ей на руке вскрытый нарыв. Пахло карболкою и йодформом. Токарев прошел через залу, где Дашка накрывала стол к ужину, и в темной гостиной сел к роялю.

Он сидел, брал одною рукою медленные, тихие аккорды и задумчиво смотрел в темноту.

Какое у Варвары Васильевны было сейчас спокойное, веселое лицо... Да уж не сон ли то, что он слышал от нее вчера, в этот страшный вечер? И всегда она такая, как теперь,- ровная, спокойная, как будто вся на туго натяну-

тых вожжах. Токареву становилось страшно - страшно от глубины и безбоязненности той тайной драмы, которую так невидно переживала в душе Варвара Васильевна...

Через пять дней срок отпуска Варвары Васильевны кончился. Она уехала в Томилинск. С нею вместе уехала в гимназию Катя. Сергей решил остаться в деревне до половины сентября, чтоб лучше поправиться от нервов. Он каждое утро купался, не глядя на погоду, старался побольше есть, рубил дрова и копал в саду ямы для насадок новых яблонь.

Прошла неделя. Токарев поехал в гости к Будиновским. Они встретили его очень радушно, отправили лошадей обратно и продержали его у себя три дня. 30 августа, на Александра Невского, Токарев в легкой пролетке Будиновского возвращался обратно в Изворовку. Был ясный осенний день. Пролетка быстро и мягко катилась по накатанной дороге. Токарев откинулся на спинку сиденья и дышал чистым, бодрящим воздухом осени. На душе было легко, в голове приятно шумело от выпитого за завтраком рейнвейна. И с улыбкой он вспоминал милые упрашивания Ма-

рьи Михайловны пить побольше.

- Ну, Владимир Николаевич, выпейте еще стаканчик! Ведь это вино совсем слабенькое! Вы знаете, как об нем говорят немцы: "Рейну много, вейну мало"...

Вспоминал он свои обсуждения с Будиновским его проекта открытия в Томилинске общественной библиотеки-читальни. Вспоминал комфортабельную, чистую обстановку Будиновских... Какая у них здоровая, уютная и радостная жизнь!.. Токарев был доволен, что у него в Томилинске будут такие милые, симпатичные знакомые, и думал о том, что влиятельный Будиновский может оказаться очень ему полезным.

По чистому, глубоко синему небу плыли белые облака. Над сжатыми полями большими стаями носились грачи и особенно громко, не полетному, кричали. Пролетка въехала на гору. Вдали, на конце равнины, среди густого сада серел неуклюжий фасад изворовского дома с зелено-вато-рыжею, заржавевшею крышею. С странным чувством, как на что-то новое, Токарев смотрел на него.

Там, под этою крышею, растут тяжелые,

мучительные душевные драмы. С апломбом предъявляются к людям ребячески-прямолинейные требования, где каждый человек должен быть сверхъестественным героем. То и другое переплетается во что-то безмерно-болезненное и уродливое, жизнь становится трудно переносимой. А между тем ведь вот живут же люди легко и счастливо, без томительного надсада. И это не мешает им, по мере возможности, работать на пользу других... Но у нас, русских, такая посильная работа увенчивается только презрением. Если ты, как древний мученик, не отдаешь себя на растерзание зверям, если не питаешься черным хлебом и не ходишь в рубище, то ты паразит и не имеешь права на жизнь.

Кучер в синей рубахе и бархатной безрукавке подкатил к крыльцу. Токарев слез, дал ему рубль на чай и вошел в дом. В передней накидок и шляпок на вешалке было больше обычного. Дашка сообщила, что на два дня праздника приехала из Томилинска Катя, а с нею - Таня и Шеметов.

Токарев прошел к себе наверх умыться и переодеться. Он не был рад приезду гостей.

Опять повеет этим духом молодого задора и беспечной прямолинейности - духом, который был ему теперь прямо неприятен.

Он напился кофе, поговорил с Конкордией Сергеевной и пошел в сад. Солнце клонилось к западу, лужайки ярко зеленели; от каждой кочки, от каждого выступа падала длинная тень. Во фруктовом саду, около соломенного шалаша, сторожа варили кашу, синий дымок вился от костра и стлался между деревьями.

Сергей притащил к пруду в подоле рубашки яблок и груш. Компания расположилась на берегу и уписывала фрукты. Токарев подошел, поздоровался. Таня быстро встала и отвела его в сторону - оживленная, радостная.

- А знаешь, Володя, я таки устроила Варино дело!

- Да ну?

- Помнишь, мы тогда у Будиновских встретились с Осьмериковым. Учитель гимназии, ушастый такой,- еще ужасно ненавидит одаренных людей. Пошла к нему в гости и убедила, что Варя совершенно удовлетворяет его идеалу труженика, что нельзя ей позволить оставаться фельдшерицей. А он хорош с пред-

седателем управы. Словом, Варю отправляют на земский счет в Петербург в женский медицинский институт! Понимаешь? Пять лет в Петербурге!

- Ну... преклоняюсь перед тобою! Это действительно очень хорошо!

- Вот ты все преклоняешься и преклоняешься, а сам ничего не хотел сделать. Все - "нелов-ко" да "с какой стати" .. Ужасно вообще ты стал какой-то... неподвижный. А уж ты бы, со своею солидною фигуурою, мог гораздо скорее добиться всего. На меня как взглянет солидный человек, так сразу почувствует ненависть... Вообще я своим пребыванием в Томилинке очень, очень довольна. И люди есть, и всё. Стоит только поискать... Если бы не нужно было ехать в Питер, обязательно бы осталась здесь...

Сергей стоял на коленях перед грудой фруктов. Он крикнул:

- Владимир Николаевич, возьмите груш! Смотрите, какие,- что твой дюшес!

Токарев и Таня подошли к остальным. Таня сказала:

- Да, Володя, вот что! Ты все-таки поговори

об этом деле с Будиновским, чтоб и он со своей стороны посодействовал. Ты с ним, кажется, хорош...

- Приятелями стали! - с легкой улыбкой заметил Сергей.

Токарев холодно ответил:

- Не вижу ничего позорного быть его приятелем. По-моему, он очень дельный и симпатичный человек.

- Я против этого не спорю. Но только, при всей своей симпатичности, он всегда как-то... умеет прекрасно устраиваться. И жить со всеми в ладу. Мне это не нравится.

Токарев начал раздражаться.

- Скажите, пожалуйста, что же в этом плохого? Почему дельный человек непременно должен жить в грязной собачьей конуре и хватать зубами за ноги каждого проходящего?

Сергей лениво потянулся.

- Совсем этого не нужно. А вот это действительно нужно,- чтоб для дельного человека дело было его жизнью, а не десертом к сытному обеду. Для Будиновского же жизнь - в уюте и комфорте, а дело - это так себе, лишь прият-

ное украшение жизни. Скажите, пожалуйста, чем этот тепленький человек пожертвует для своего "дела"? За это я по крайней мере ручаюсь, что ни одной из своих великолепных латаний он за него не отдаст. А мотив, конечно, будет очень благо-родный: "На меня и так все косятся"... Только поэтому он и не хочет,- не хочу делу повредить, а то бы рад всею душою... И подумаешь,- кто на него косится!.. Ведь какое вообще характерное явление для нашей жизни такие люди! Чуть что,- сейчас: ах, боже мой, поосторожнее! вы нам помешаете!.. Брр! Лучше мерзавцы, чем все эти смиренные и благонамеренные либеральные господа!

- Это, разумеется, дело вкуса,- иронически процедил Токарев.- Я же лично думаю, что именно эти смиренные и блестящие "господа" вынесли и выносят на своих плечах всю великую культурную работу, которою жива страна. И далеко до них не только мерзавцам, а и всякого рода "героям", которые больше занимаются лишь пусканием в воздух блестящих фейерверков,- резко закончил Токарев.

Таня подняла брови, с удивлением пригля-

дывалась к брату. Шеметов встал. Он пренебрежительно отвернулся от Токарева и ворчливо сказал:

- Будет, Сережка, спорить! Можно найти дело поинтереснее!

- Верно!..- Сергей вскочил на ноги.- Давайте, господа, покатаемся на лодке.

К мосткам была привязана большая, старая, насквозь прогнившая лодка, вполовину залитая водой. У Тани весело загорелись глаза.

- Давайте!

Токарев возмутился.

- Ну, Таня, посмотри же, какая лодка! Ведь она совсем гнилая!

- Что ж такое? Еще приятнее... Сашка, Катюха, едем! - крикнул Сергей и прыгнул в лодку.

Лодка тяжело закачалась, на ее дне с шумом забегала вода.

Таня и Шеметов со смехом сошли в лодку. Катя, волнуясь и стараясь побороть страх, спустилась за ними.

Сергей с насмешливым ожиданием глядел на Токарева.

- Владимир Николаевич, едем!

- Благодарю покорно, мне купаться не хочется! - с усмешкою ответил

Токарев.

Стоя на почерневших, склизких перекладах, они оттолкнулись от берега. Лодка накренилась то вправо, то влево, вода в ней плескалась. Сергей вложил в уключины мокрые, гнилые весла и начал грести.

Лодка выплыла на середину пруда. Солнце садилось, багровые облака отражались в воде красным огнем Шеметов, стоя на корме, запел вполголоса:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Острогрудые челны,
На переднем Стенька Разин.

- Что же это лодка не тонет? - с любопытством спросил он.- Странно! Должна бы знать, что по законам физики ей давно следует пойти ко дну.. Ну ты, шалава! - крикнул он и качнул лодку.

Катя, придерживая рукой юбку, засмеялась, стараясь не показать, что ей страшно.

Токарев сидел на берегу, возмущенный и негодующий. Какая глупость! Пруд очень глубокий, вода холодна. Если лодка затонет, то выплыть на берег одетым вовсе не просто, и легко может случиться несчастье. Это какая-то совсем особенная психология - без всякой нужды, просто для удовольствия, играть с опасностью! Ну, ехали бы сами, а то еще берут с собою этого ребенка Катю...

На пруде раздались крики и смех. У Сергея сломалось весло. Сильный и ловкий, в заломленной на затылок студенческой фуражке, он стоял среди лодки и греб одним веслом. Лодка с каждым ударом наклонялась в стороны и почти достигала бортами уровня воды.

И они плыли вперед, веселые и смеющиеся. Токарев с глухою враждою следил за ними. И вдруг ему пришла в голову мысль: все, все различно у него и у них; души совсем разные - такие разные, что одна и та же жизнь должна откликаться в них совсем иначе. И так во всем - и в мелочах и в самой сути. И как можно здесь столкнуться хоть в чем-нибудь, здесь, где различие - не во взглядах, не в логике, а в самом строе души?

Горничная Дашка появилась на горе и крикнула:

- Сергей Васильевич! Барыня зовут!.. Поскорей! Поскорее все идите!

- Что там такое?

- Телеграмма из города пришла... Поскорее, барыня зовут! Идите, я в ригу побегу за баринном!..

Конкордия Сергеевна, бледная, с замершим от горя лицом, сидела в спальне и неподвижно глядела на распечатанную телеграмму. В телеграмме стояло:

"Приезжайте поскорее. Варенька опасно больна.

Темпераментова".

XVI

В тот же вечер все приехали в Томилинск. Доктор, взволнованный и огорченный, сообщил, что Варвара Васильевна, ухаживая за больными, заразилась сапом.

- Сапом?..- Конкордия Сергеевна растерянно глядела на доктора остановившимися глазами.- Это... это опасно?

Доктор грустно ответил:

- Очень опасно.

Варвара Васильевна лежала в отдельной палате. На окне горел ночник, заставленный зеле-ною ширмочкою, в комнате стоял зеле-новатый полумрак. Варвара Васильевна, бледная, с сдвину-тыми бровями, лежала на спине и в бреду что-то тихо говорила. Лицо было покрыто странными прыщами, они ка-зались в темноте большими и черными. У из-головья сидела Темпераментова, истомлен-ная двумя бессонными ночами. Доктор шепо-том сказал:

- Побудьте, господа, немного и уходите. Не нужно долго оставаться.

Жалким, покорно-молящим голосом Кон-кордия Сергеевна возразила:

- Милый доктор, я... я не уйду отсюда... хоть казните меня...- Глаза ее были большие-боль-шие и светлые.

Доктор вышел. Токарев нагнал его.

- Скажите, доктор, есть какая-нибудь на-дежда?

Доктор хотел ответить, но вдруг лицо его дернулось, и губы запрыгали. Он глухо всхлипнул, быстро махнул рукою и молча по-шел по коридору.

Утром Варвара Васильевна пришла в себя, весело разговаривала с матерью, потом заснула. После обеда позвала к себе Токарева и попросила всех остальных выйти.

Токарев сел в кресло около постели. Варвара Васильевна с желтовато-серым, спавшимся лицом, усеянным зловещими прыщами, поднялась на локоть в своей белой ночной кофточке.

- Владимир Николаевич, я вам хотела сказать... Я третьего дня написала директору банка и напомнила ему его слово, что он примет вас на службу... Он ко мне хорошо относится, я была при его дочери, когда она была больна дифтеритом... Он сделает...

Токарев страдальчески поморщился

- Варвара Васильевна, ради бога, оставьте вы об этом!

- Да... И потом еще вот что...- Она подняла мутные глаза, и в них было усилие отогнать от мозга туман бреда.- Да!.. Что я еще хотела сказать?

Варвара Васильевна нетерпеливо потерла руки и забегала взглядом по комнате.

- Вот что! - Она помолчала и в колебании

взглянула на Токарева.- Дайте мне честное слово, что вы никому не станете рассказывать о нашем разговоре,помните, тогда вечером, в Изворовке, когда с Сережей сделался припадок?

Токарев вздрогнул и стал бледнеть. Варвара Васильевна волновалась все больше. Она повторяла в тоске:

- Слышите, Владимир Николаевич,- честное слово, никому!..

Токарев сидел смертельно бледный, с остановившимся дыханием.

- Хорошо,- медленно сказал он и замолчал. И продолжал сидеть - бледный, с широко открытыми глазами. И голова его тряслась.

- Видите, маме этого... Что я хотела сказать? Да!.. Надо выписать сто граммов хлороформу, пожалуйста, не забудьте,- с эфиром.. Антон Антонович поедет. А я завтра сама развешу, не будите провизора.

Варвара Васильевна начала бредить. Токарев шатающуюся походкою пошел вон.

Он вышел из больницы и побрел по улице к полю. В сером тумане моросил мелкий, холодный дождь, было грязно. Город остался

назади. Одинокая ива у дороги темнела смутным силуэтом, дальше везде был сырой туман. Над мокрыми жнивьями пролетали галки.

Токарев шел, бессознательно кивал головой и бормотал что-то под нос. Это не сон? - иногда приходило в голову. И он гнал от себя мысли, боялся думать о том, что узнал, боялся шевельнуть застывший в душе тупой ужас.

Воротился он в больницу, когда уже стемнело. Из ворот выходили Сергей и Таня - оба бледные и серьезные.

- Варя умерла! - коротко сказал Сергей, прикусил губу и прошел мимо.

Через два дня Варвару Васильевну хоронили.

Похороны вышли величественные. Никто не думал, чтоб Варвара Васильевна пользовалась такою популярностью, как оказалось. Громадная толпа народа провожала гроб, слышались рыдания. Над могилою произнесли речи главный врач больницы, председатель управы, Будиновский. Они говорили о самоотверженной деятельности скромной труженицы, о том, что вся жизнь ее была од-

ним сплошным подвигом, что она, как воин на поле брани, славно погибла на своем посту. Токарев,- угрюмый, замерший в ужасе,- слушал речи, и они казались ему пошлыми и ничтож-ными перед тою страшною загадкой, которая вытекала из этой смерти. Хотелось рыдать от безумной жалости к Варваре Васильевне и к тому, что она над собою сделала.

В тот же день вечером уехали в Петербург оба еще остававшиеся в Томилинке члена "колонии" - Таня и Шеметов. Токарев, Сергей и Катя проводили их на вокзал. Таня не могла опомниться от неожиданной смерти Варвары Васильевны.

Она стояла у своего вагона возмущенная, негодующая.

- Я положительно с этим не могу примириться! Смерть!.. Жить, действовать, стремиться, дышать воздухом,- и вдруг, ни с того ни с сего, все это обрывается, когда жизнь кругом так хороша и интересна!..

Назад Токарев возвращался один. Таня уехала,- что ждет ее впереди? Теперь, после проща-ния, она была Токареву дорога и близка. Перед ним стояло ее лицо, подвижное,

энергичное, с большими и смелыми, почти дерзкими глазами... Странно! Он прекрасно знал,- не благополучие ждет ее в будущем, и не сносить ей головы. А между тем не было за нее никакого страха, и ему казалось - и жалости никогда не будет. Напротив, была только жгучая зависть к Тане за ее жадную любовь к жизни и за бесстрашие перед этою жизнью. И тот тяжелый вопрос, который возникал из смерти Варвары Васильевны, при мысли о Тане тускнел, становился странным и непонятным.

XVII

Токарев вместе с Изворовыми воротился в деревню.

Пообедали. Все были печальны и молчаливы. Темнело. Токарев вышел в сад. Вечер был безветренный и холодный, заря гасла. Сквозь поредевшую листву аллеи светился серп молодого месяца. Пахло вялыми листьями. Было просторно и тихо. Токарев медленно шел по аллее, и листья шуршали под его ногами.

Жизнь вдруг стала для него страшна. Зашевелились в ней тяжелые, жуткие вопросы... В последнее время он с каждым годом относил-

ся к ней все легче. Обходил ее противоречия, закрывал глаза на глубины. Еще немного - и жизнь стала бы простою и ровною, как летняя накатанная дорога. И вот вдруг эта смерть Варвары Васильевны... Вместе с ее тенью перед ним встали полузабытые тени прошлого. Встали близкие, молодые лица. Гордые и суровые, все они погибли так или иначе - не отступили перед жизнью, не примирились с нею.

Токарев вышел к пруду. Ивы склонялись над плотиною и неподвижно отражались в черной воде. На ветвях темнели грачи, слышалось их сонное карканье и трепыханье. Близ берега выдавался из воды борт затонувшей лодки и плавал обломок весла. Токарев остановился. Вот в этой лодке три дня назад катались люди - молодо-смелые, бодрые и веселые; для них радость была в их смелости. А он, Токарев, с глухою враждою смотрел с берега.

И все прошлое, и эти люди были для него теперь страшно чужды. Что-то совершилось в душе, что-то надломилось, и возврата нет. Исчезло презрение к опасностям, исчезло недуг-

манье о завтрашнем дне. Впереди было пусто, холодно и мутно. Вспомнились недавние мечты об усадьбе, об уютной жизни, и охватило отвращение. Для чего?.. Жить, как все живут, - без захватывающей цели впереди, без всего, что наполняет жизнь, что дает ей смысл и цену. И все яснее для него становилось одно: невозможно жить без цели и без смысла, а кто хочет смысла в жизни, тот, - каков бы этот смысл ни был, прежде всего должен быть готов отдать за него все. Кто же с вопросом о смысле и целях жизни сплетает вопросы своего бюджета и карьеры, пусть лучше не думает о смысле и целях жизни. И Токареву стало стыдно за себя.

Но когда он почувствовал стыд, он возмутился. Чего стыдиться? Что он сделал плохого и как же ему жить? Ведь все, что случилось с Варварой Васильевной, до безобразия болезненно и ненормально. Люди остаются людьми, и нужно примириться с этим. Он - обыкновенный, серенький человек и, в качестве такового, все-таки имеет право на жизнь, на счастье и на маленькую, неопасную работу.

Вспомнились жесткие слова Сергея:

"Что поделаешь? Так складывается жизнь: либо безбоязненность полная, либо банкрот, и иди насмарку".

Эта мысль тоже возмутила его, и он опять почувствовал ужас перед тем непонятным ему теперь и чуждым, что сделало возможным смерть Вари. Токарев отталкивал и не хотел признать это непонятное, но оно властно стояло перед ним и предъявляло требования, которым удовлетворить он был не в силах.

Токарев поднял голову, огляделся. Его удивило, какая кругом мертвая тишина. Месяц спустился к ивам и отражался в неподвижной, черной глубине пруда. неподвижен был воздух, деревья не шевелились ни листиком. Как будто сейчас случилось что-то, чего Токарев за своими размышлениями не заметил, - и все вокруг, замерши, испуганно прислушивалось. Была та же странная тишина, как тогда, после припадка Сергея, на пыльной лестнице. И так же странно неподвижно светил месяц. И все вокруг становилось необычным. С березы сорвался желтый листок; он неслышно и

робко мелькнул в воздухе, словно боясь привлечь к себе чье-то грозное внимание, и поспешно юркнул в траву. И опять все замерло.

Смутный страх охватил Токарева. Он повернулся и пошел домой.

XVIII

Прошла неделя. Токарев сильно похудел и осунулся, в глазах появился странный нервный блеск. Взмутившиеся в мозгу мысли не оседали. Токарев все думал, думал об одном и том же. Иногда ему казалось: он сходит с ума. И страстно хотелось друга, чтоб высказать все, чтоб облегчить право признать себя таким, каков он есть. Варваре Васильевне он способен был бы все сказать. И она поняла бы, что должен же быть для него какой-нибудь выход.

Но перед ним был только Сергей. Сергей же чуждался его, и они не имели теперь ничего общего. А между тем многое в Сергее поразительно напоминало Варю: тот же тонкий, строгий профиль, те же глаза, та же привычка сдвигать брови. Как будто Варя ожила в Сергее. Но не мягкая и прощающая, а жесткая, презирующая и беспощадная.

В Сергее, в его пренебрежении и презрении, как бы олицетворялось для Токарева все, из-за чего он мучился. И все больше он начал ненавидеть Сергея. Кроме того, с той ночи, как с Сергеем случился припадок, он внушал Токареву смутный, почти суеверный страх. Но рядом с этим Токарева странно тянуло к Сергею. Ему давно уже следовало уехать из Изворовки, но он не уезжал. Он не мог уехать, ему необходимо было раньше объясниться о чем-то с Сергеем. Но о чем объясниться, для чего,- Токарев не мог бы ясно сказать.

Стояла середина сентября. День был тихий, облачный и жаркий. На горизонте со всех сторон неподвижно синели тучи, в воздухе томило. Сергей с утра выглядел странным. В глазах был необычайный, уже знакомый Токареву блеск, он дышал тяжело, смотрел угрюмо и с отвращением.

В одиннадцать часов вечера поужинали. Василия Васильевича, по обыкновению, не было,- он теперь все вечера проводил у соседей, играя в карты.

Конкордия Сергеевна сказала:

- А как барометр упал!.. Кончатся ясные денечки; теперь пойдут дожди, холод, грязь...

- Упал барометр? - с любопытством спросил Сергей и замолчал.

Они взошли с Токаревым к себе наверх. Токарев участливо спросил:

- Вы себя сегодня плохо чувствуете?

Сергей усмехнулся.

- Слыхали, барометр упал!.. Ну, вот! Такое дрянцо люди - каждое колебание барометра отражается на душе!

Он молча зажег лампу и сел за "Критику чистого разума"* . В последнее время он усердно читал ее.

* Одна из основных работ (1781) немецкого философа-идеалиста Иммануила Канта.

Токарев, не зажигая света, ходил по своей комнате. Он видел, как все в Сергее нервно кипело. Это заражало его, и нервы натягивались. Охватывал неопределенный страх... Токарев остановился у печки.

Сергей сидел в своей комнате, склонясь над книгой. Лампа освещала красивое лицо. Токарев смотрел из темноты.

Вон он спокойно сидит, этот мальчишка. А

он, Токарев, испытывает к нему страх и стыдится его презрения... Сколько в нем мальчишеской уверенности в себе, сколько сознания непогрешимости своих взглядов! Для него все решено, все ясно... А интересно, что бы сказал он, если бы узнал истинную причину Вариной смерти? Признал бы, что это так и должно было случиться? Или и он ужаснулся бы того, к чему ведет молодая прямолинейность и чрезмерные требования от людей?

Токарев зажег лампу и открыл книгу. Но не читалось. Он думал о том, что с Сергеем, опять может сегодня случиться припадок. Что тогда в состоянии будет сделать с ним Токарев, один в пустом доме? И вспомнилось ему, как Сергей сознался, что чуть его тогда не задушил, и как насмешливо улыбнулся, когда Токарев побледнел при этом признании... Ко всему остальному Сергей теперь знает, что Токарев его боится.

Токарев встал и вышел из комнаты. Спустился вниз.

В больших, пустынных комнатах было темно и тихо. В передней на конике храпела горничная Дашка, пахло потом. В коридоре

скребли крысы. Было тоскливо и грустно. Токарев вошел в гостиную. Там, при свете одинокой свечи, Конкордия Сергеевна пришивала оборвавшиеся на креслах бахромки. Он удивился.

- Вы еще не спите, Конкордия Сергеевна?

Конкордия Сергеевна подняла на него свое осунувшееся лицо.

- Да вот засиделась тут с креслами: срам взглянуть, совсем оборвались бахромки.

Токарев помолчал.

- А какая тут должна быть тоска зимою! Все разъедутся, вы останетесь вдвоем с Василием Васильевичем. Мне кажется, я бы и недели не выдержал.

Конкордия Сергеевна медленно перекусила нитку и стала вдевать в иголку.

- Голубчик мой, привыкла я. Что уж там - "скучно"... Мне за весельем не гнаться. Сколько уж лет так живу. Было бы деткам хорошо, а мне что... Ну, а ведь, кроме того, все-таки ждешь: вот опять лето придет, опять... опять все... съедутся...

Голос ее оборвался. Она наклонилась к

креслу. И такую одинокою показалась она Токареву, с ее скрытою, невысказываемою печалью.

Он поговорил с нею, потом вышел на крыльцо.

Ночь была тихая и теплая. Тяжелые тучи, как крышка гроба, низко нависли над землею, было очень темно. На деревне слабо мерцал огонек, где-то далеко гроыхала телега. Эти низкие, неподвижные тучи, эта глухая тишина давили душу. За лесом тускло блеснула зарница.

Из-под крыльца, виляя хвостом, вылез левый щенок Сбогар. Худой, на длинных, больших лапах, он подошел к Токареву, слабо повизгивал и тоскливо глядел молодыми, добрыми глазами. Токарев погладил его по голове. Сбогар быстрее замахал хвостом и продолжал жалобно повизгивать.

За лесом снова блеснула зарница и бледным, перебегающим светом несколько раз осветила неподвижные тучи. Стало еще темнее. У Токарева вдруг мелькнула мысль, - как удивительно подходят эта ночь и нынешнее состояние Сергея к тому, что Токарев уж

несколько дней собирался сделать: да, Сергей должен узнать настоящую причину смерти сестры! Пусть это открытие ударит его по сердцу, наполнит тоскою и ужасом, исковеркает его прямые, несгибающиеся взгляды на жизнь и ее требования... О, он увидит, что дело вовсе не так просто, как ему кажется! - с злорадным торжеством подумал Токарев

Быстрая, нервная дрожь охватила тело. Он подождал, чтобы она прошла, и поднялся наверх.

Сергей медленно расхаживал по комнате, устало понутив голову.

- Сергей Васильевич, сидите вы здесь все над книгами. А посмотрите, какая ночь чудесная - тихая, теплая... Пойдемте пройдемся.

Сергей потер рукою лоб и встряхнулся.

- Пойдемте, пожалуй! Все равно ничего в голову не лезет.

Они вышли из дому и через калитку вошли в сад. И на просторе было темно, а здесь, под липами аллеи, не видно было ничего за шаг. Они шли, словно в подземелье. Не видели друг друга, не видели земли под ногами, ступали, как в бездну. Пахло сухими листья-

ми, полуголые вершины деревьев глухо шумели. Иногда сквозь ветви слабо вспыхивала зарница, и все кругом словно вздрагивало ей в ответ. Сергей молчал.

Они дошли до конца сада и остановились у изгороди. За канавой, заросшей крапивою, тянулось сжатое поле. Над ним неподвижно висели низкие тучи. Из черной дали дул теплый, сухой ветер и тихо шуршал в волосах. Токарев нагнулся и провел рукою по траве.

- Удивительно как сухо! Росы совсем нет!

Сергей коротко отозвался:

- Дождь завтра будет.

- Ну, Сергей Васильевич, идем дальше! Воздух такой славный!.. Пойдемте к Зыбинке, на Живые Ключи. Там прямо, через поле, мы скоро дойдем.

Он перелез через плетень и перепрыгнул канаву. Сергей неохотно последовал за ним. Пошли наискось по колючему жнивью. Ветер ровно дул в лицо, полынь на межах слабо шевелилась. На темном горизонте непрерывно вспыхивали зарницы,- то яркие, освещавшие всё вокруг, то тусклые, печальные и злоецие.

Сзади в смутном сумраке раздался мягкий, частый, быстро приближавшийся топот.

- Что это там?! - Сергей вздрогнул и быстро обернулся.

Токарев рассмеялся.

- Ну, Сергей Васильевич, ведь это непозволительно! Что это может быть? Вероятно, Сбогар нас догоняет!

Сбогар подбежал и, радостно виляя хвостом, стал ластиться к Токареву и Сергею. Сергей старался улыбнуться.

- Ишь негодяй! Так неожиданно налетел, невольно вздрогнешь!

Двинулись дальше. Сергей медленно и тяжело дышал, украдкой взглядывал в темноту странно блестящими глазами. Ветер упал. Стало тихо. Они вышли на дорогу.

Далеко на церковной колокольне глухо ударил колокол. Дрожащий звук, полный смутной тайны, тихо пронесся над темными полями. Потом раздался второй удар, третий,- пробило двенадцать.

Токарев взял Сергея под руку.

- Полночь!.. Мужики говорят,- церковный сторож погнал мертвецов на водопой...- Он

помолчал.- Странно на меня действуют такие ночи. Вам не кажется невероятным, чтоб в этом мраке не было ничего таинственного? Мне это часто кажется. Кругом необходимо должна быть своя жизнь, но только она ускользает от наших глаз. Нужно совсем неожиданно оглянуться, чтоб уловить из нее хоть что-нибудь. На меня, например, добрая половина картин Бёклина* производит такое впечатление, как будто он именно "неожиданно оглянулся". Вот мы идем с вами,- и неужели мы тут только двое во всем этом просторе, и кругом нас лишь дрожание разных молекул, колебание светового эфира и тому подобное. Почему же в таком случае так ясно и так жутко душа ощущает невидимое присутствие кого-то,- каких-то смутных, бесформенных существ, перед которыми мы так слабы и беспомощны?

Сергей шел, молча понутив голову. Они свернули на тропинку, прошли мимо заброшенной каменоломни и спустились в Зыбинскую лощину. В ней было очень тихо. Смутно рисовались черные кусты ракитника, и казалось, будто они медленно двигаются.

Пошли по заросшей дороге,- она тянулась по косогору к верховью лощины. Сбогар, слабо повизгивая, оглядывался по сторонам и жался к их ногам. Как раз над лощиною низко стояло большое, черное облако с расходившимися в стороны отрогами. Как будто гигантское, странное насекомое повисло в воздухе и пристально, победно следило за шедшими по лощине. Угрюмые и молчаливые зарницы вспыхивали в темноте.

Незаметная внутренняя дрожь все сильнее охватывала Токарева. На душе было смутно и необычно. Только ум работал с полной ясностью.

- Помните вы "Horla"*** Мопассана? Это очень болезненная, но удивительно умная и глубокая вещь. Мопассан говорит, что люди сыздавна населяли мир разными таинственными, страшными и неопределенными существами. И что это не могло быть иначе,- человек всегда чувствовал, как сам он беспомощен, как над ним стоят какие-то силы, перед которыми он раб... Что это за силы, что за существа? Они должны быть невидимы, но страшны и могучи. В чем бы они ни проявля-

лись, но они всегда показывают свою власть над человеком, и человек перед ними там бессилен, так жалко-беспомощен!

* Беклин Арнольд (1827-1901) - швейцарский художник-символист, автор картин "Остров мертвых", "Поля блаженных", "Священная роща" и др. Был популярен в буржуазной среде.

** "Орля" - повесть Ги де Мопассана (1887).

Сергей с удивлением поднял голову.

- Неужели вы все это серьезно говорите! Ведь это положительно какой-то бред и притом довольно смешной... Только я бы вас попросил, Владимир Николаевич,- оставьте говорить об этом. Я сегодня чувствую себя ужасно нервно.

- Хорошо. Да в сущности я, конечно, не говорю серьезно о разных там мертвецах или привидениях, не говорю и о мопассановских невидимках Орля. Я только говорю о мопассановской "глубокой тайне невидимого". Ведь именно ее только Мопассан и символизирует в образе "Norla". Согласитесь, что эта тайна действительно глубока и страшна. Мопассан говорит: "Все, что нас окружает, все, что мы

замечаем, не глядя, все, что задеваем, сами того не сознавая, трогаем, не ощупывая,- все это имеет над нами, над нашими органами, а через них и над нашими мыслями, над самым нашим сердцем - быстрое, изумительное и необъяснимое действие"... Разве это не страшно и разве это не правда? взволнованно спросил Токарев.- Человек был еще свободен, когда он эти силы олицетворял в существах, стоящих вне его,- с ними по крайней мере можно было бороться, против них стояла свободная, самоопределяющая душа человека. А теперь все эти существа переселились внутрь его, в его мозг, в сердце и кровь... И что теперь ждет человека? Вы помните этот страшный вопль Мопассана: "Царство человека кончилось!.. Горе нам!.. Горе людям!.. Пришел он... как его зовут? Мне кажется, он выкрикивает мне свое имя, но я не слышу его... О да, он явился!.. Ястреб съел голубку, лев пожрал буйвола с острыми рогами... Всему конец!.. Он во мне, он становится моею душою!.. Что делать? Горе нам!.."

Токарев дрожал мелкою дрожью, в голосе звучал ужас, как будто действительно это та-

инст-венное "невидимое" стояло здесь в темноте... Но и в ужасе своем Токарев чувствовал, как Сергей нервно вздрагивал. И становилось на душе злобно-радостно.

Сергей резко возразил:

- По-моему, все это только очень характерно для самого Мопассана. Да, пожалуй, и для вас... Что спорить, "тайна невидимого" глубока. Но трус и жалкая тряпка тот, кто поддается этому невидимому.

- Сядем здесь! - коротко и решительно сказал Токарев и опустился на косогор под молодую лозинкою.

Он сказал уверенным, властным голосом, и Сергей послушался. Токарев приобрел над ним странную власть.

Горизонт, прежде резко очерченный, затянулся на юге мутною мглою и стал сливаться с небом. Потянуло влажною прохладой. Токарев в волнении поглядел вдаль: пройдет полчаса - и жуткое очарование ночи исчезнет.

Небо покроется мутными облаками, лениво засеет окладной дождь.

Он медленно заговорил:

- Вы сказали: тот, кто поддается "невиди-

мому",- трус и жалкая тряпка. Удивительное дело! Перед вами стоит громадный вопрос, а вы хотите решить его парой презрительных руга-тельств... Нет, Сергей Васильевич, такие вопросы так не решаются! Вопрос о том, что же делать, если это невидимое бесповоротно покоряет тебя. Ну, хорошо,- трус, жалкая тряпка... Ведь это сказать легко. А когда в жизни встает такой вопрос, то можно с ума сойти от ужаса... Вы знаете, отчего умерла Варвара Васильевна? - Он задыхался и медленно перевел дух.- Она заразилась сапом... Но она не нечаянно заразилась, а нарочно!.. Она не остановилась перед такого рода смертью, чтоб окружающие близкие думали, будто это - несчастная случайность. А убила она себя именно потому, что чувствовала приближающуюся победу "невидимого".

Даже сквозь темноту Токарев видел, как на него смотрело смертельно-бледное лицо Сергея с остановившимися глазами. Вдруг Сергей решительно сказал:

- Это не может быть!.. Она могла бы это сделать, она на это способна. Но никогда ни вам, никому она не созналась бы в этом!

- Да. Видите, оно так и есть. Но однажды - помните, в тот вечер, когда с вами произошел припадок,- она созналась мне, что чувствует приближение и победу "невидимого". Чтоб не покориться ему, она видела только одно средство - смерть. Но чтоб эта смерть поменьше доставила горя близким. Разговор был чисто отвлеченный... Ну, а перед самою смертью, почти уже в бреду, она взяла с меня слово никому не рассказывать о нашем разговоре... Как вы думаете, можно из этого что-нибудь заключить?

- Чче-ерт, чче-ерт!..- простонал Сергей и стиснул голову руками. Он поставил локти на колени и сидел, все так же стиснув голову.

Строгим, беспощадным и проникающим голосом Токарев говорил:

- Ну, и что же? Она поступила правильно? В этом настоящий выход?.. Нет, это ужасно и до безумия ненормально! А между тем именно ваши взгляды, ваша прямолинейная требовательность и делают возможными подобные ужасы. Это отрицать вы не можете. И не можете также отрицать, что вы запираете для живого человека все выходы. Необходимо

серьезно и пристально приглядеться к "невидимому". И только тогда, призвав всю его силу и неизбежность, возможно прийти к какому-нибудь выходу.

Сергей вскочил на ноги. Сверкнув глазами, он крикнул:

- К чему вы все это говорите?! Вы Вариною смертью хотите оправдать себя! Да неужели вы не чувствуете, какая разница между нею и вами? Из ее смерти возникает громадный вопрос,- да, громадный и ужасный по своей серьезности. Но вы к этому вопросу и боком не прикасаетесь!

Токарев замолчал, сбитый с позиции, не зная, что возразить. Упавшим голосом он заговорил:

- Хорошо! Скажем, вы правы. Я не хуже вас вижу разницу между нею и собою. Но вдумайтесь немного в то, что я вам скажу. Слушайте. Я обыкновенный, маленький человек. Мне судьбою предназначено одно: жить смиренно и тихо, никуда не суясь, не имея никаких серьезных жизненных задач,- жить, как живут все кругом: так или иначе зарабатывать деньги, клясть труд, которым я живу,

плодить детей и играть по вечерам в винт. Но, видите ли, в жизни каждой самой болотной души бывает возраст, когда эта душа преобразуется,- у нее вырастают крылья. Если окружающие обстоятельства благоприятствуют, то ее смутные, неопределенные порывы оформляются в стремление к ясным идеалам. И человек идет за них на борьбу, на гибель и не может понять, как можно жить, не ища в жизни смысла, не имея всезахватывающей жизненной задачи. Проходит несколько лет. Крылья высыхают и отваливаются, и сам человек ссыхается. Все недавнее становится для него совершенно чуждым и мертвым.

И вот я теперь нахожусь как раз в таком положении. Но суть в том, что это прошлое уже отравило меня,- я ужасаюсь пустоты, в которую иду, я не могу жить без смысла и без цели. А крыльев нет, которые подняли бы над болотом.

Слава вере, нас сгубившей,
Слава юности погибшей,
Незапятнанной позором...

Да, я с горячим, страстным чувством вспоминаю ее, эту честную юность. Но слава ее

схоронена, потому что схоронена сама юность, и ее не воскресить... Где же найти основание, на которое я мог бы теперь опереться? Что может мне дать силу жить человеком? Философия? Религия? Из меня выкачивается душа, понимаете вы это? Душа выкачивается!.. Как ее удержать? Нет таких сил в жизни, нет таких сил в идеях и религии... Вся сила лишь в чувстве. Раз же оно исчезло,- то вздор все клятвы и обеты, все самопрезрение и тоска... Что же мне делать?

Сергей брезгливо ответил:

- Это ваше дело! К сожалению, я вам помочь ни в чем не могу.

- О, Сергей Васильевич! Не относитесь к этому так презрительно! Уверяю вас, все это очень близко касается и вас самого! Еще сегодня вы говорили о том, как всякое колебание барометра отражается на вашей душе. Неужели вы думаете, что только один барометр обладает такою удивительною силою?.. Нет, Сергей Васильевич, вы так же, как и я, уж целиком находитесь во власти могучего "невидимого". Вы вот настойчиво проповедуете радость жизни и силу духа, а сами живете в

темном мире нервной тоски и безволия. Вы утверждаете, что человек должен действовать из себя, что в таком случае он откроет в себе громадные богатства души, а все ваше богатство заключается лишь в поразительной черствости, самоуверенности и самолюбленности. Только покамест все это скрашивается молодостью. А пройдет молодость - что от вас останется? Мы с вами одинаковые банкроты, мы одинаково слишком бедны и больны душою, чтоб расплатиться с громадными требованиями нашего разума... Есть другие люди, здоровые и сильные, люди нутра. Их можно убить, но невозможно расколоть надвое. Для них мысль, тем самым, что она - мысль, есть в то же время и действие... Вот вам тот человек, которого мы видели тогда у Варвары Васильевны. Мне кажется, такова и Таня. Ничего, что она так неразвита и узка, - в этом-то и есть ее сила!.. А наше с вами дело проиграно. Я это уже сознаю, вы еще не сознаете. Но недалеко время, когда перед вами встанет тот же вопрос... И над трупом Варвары Васильевны нужно этот вопрос решить честно и серьезно.

Сергей злобно и болезненно усмехнулся.

- Ох, как вам хочется этого "честного" решения!.. Извольте, вот оно, по-моему: примиритесь с вашим "невидимым", полезайте назад в болото и благоденствуйте на здоровье. Вам ведь ужасно хочется этого решения. Но меня оставьте в покое. Будьте уверены, живым я в болото никогда не попаду!

Токарев молча махнул рукою. Он сидел на пригорке, охватив колени руками, и смотрел вдаль. Глухая, неистовая ненависть к Сергею охватила его. Сергей насмешливо и злобно подчеркнул то, чего именно и хотелось Токареву. Ну да, он именно и хотел, чтоб за ним было признано право жить таким, каков он есть,- где же другой выход? Сергей этого выхода не хочет признать... Хорошо! - подумал Токарев, охваченный тоскою и дрожью.

Он хрипло сказал:

- Господи, какая ночь тяжелая!.. Сергей Васильевич сделайте одолжение, принесите мне воды из ключа. У меня так кружится голова,- мне кажется, я сейчас упаду... Она здесь недалеко, за бугром... Хоть в фуражку мою зачерпните, она суконная, не прольется... Ради

бога!..

Сергей внимательно взглянул на Токарева и медленно ответил:

- Давайте фуражку.

Он исчез за бугром. Токарев быстро вскочил и огляделся. Сырая, серая стена дождя бесшумно надвигалась в темноте и как будто начинала уже колебаться. Кругом была глухая тишь, у речки неподвижно чернели странные очертания кустов. Молодая лозинка над головою тихо шуршала сухими листьями. Безумная радость охватила Токарева. Он подумал: "Ну, получай свое решение!" - и стал поспешно распоясываться. Он был подпоясан вдвое длинным и крепким шелковым шнурком.

Волнуясь и спеша, Токарев дрожащими руками сделал на шнурке петлю и дернул ее, испытывая крепость. Петля была крепка. Он радостно улыбнулся, поднялся на цыпочки и стал привязывать петлю к суку лозины.

- Получайте ваше решение, Сергей Васильевич!

И он представил себе воротившегося Сергея перед его трупом на лозине.

Вдали раздался шорох, как будто шаги. Токарев вздрогнул, отскочил от дерева и стал вглядываться. Нет все было тихо. Сергей так скоро не мог вернуться. Это, должно быть, пробежал внизу Сбогар.

Медленно раскрывались внутренние глаза. Вдруг сверкнула мысль:

- Что я такое делаю?!

Токарев остановился и глядел на черную лозину, как будто только что проснулся от дикого кошмара... С потревоженной лозины медленно и бесшумно падали на землю желтые листья. Все было необычно и ужасно: и лозина с бесшумно падающими листьями, и недавний разговор, и его намерение.

Он отбросил шнурок и быстро пошел вон из лощины.

От тучи подуло сильным, влажным ветром. По земле зашуршали первые капли дождя. Распоясанный, в развевающейся рубашке, Токарев шагал по колючему жнивью через межи и шел в темноту, не зная куда.